

Александр Калмыков

ЖАРКИЙ ДЕКАБРЬ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Александр Калмыков

Жаркий декабрь

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Калмыков А. В.

Жаркий декабрь / А. В. Калмыков — «АСТ», 2018 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-110335-4

В декабре 1941-го советские войска перешли в решительное наступление и окружили немецкую армию под Ленинградом и в районе Демянска. Андреев-Соколов рвется на фронт, но в Москве его загружают морем работы, да и жениться вздумалось, для чего еще нужно получить разрешение. И все-таки Александр вырывается на фронт – искать пропавшего без вести деда. А между тем 179-я стрелковая дивизия прорывает немецкий рубеж у Нарвы и устремляется вперед, чтобы через считанные дни выйти к железнодорожному узлу Тапа.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-110335-4

© Калмыков А. В., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	34
Глава 4	43
Глава 5	54
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Александр Владимирович Калмыков

На пути «Тайфуна». Жаркий декабрь

© Александр Калмыков, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Глава 1

Лос-Анджелес, Калифорния

Джимми Фратьянно с участием посмотрел на странного клиента и сочувственно покивал ему головой. Такая неприятность, когда жена изменяет, и совсем беда, если не можешь отомстить обидчику.

– Не повезло вам, мистер, – непритворно вздохнул Джимми. – Был бы обычный человек, а то известный киноактер.

– Не то чтобы известный, – поспешил возразить посетитель, державшийся, несмотря на постигшее его несчастье, уверенно и спокойно. – Скорее второразрядный, пригодный лишь для малобюджетных картин. Далеко не все знают, в каких фильмах он снимался.

– А я вот помню, он играл Джорджа Гиппера. – Немного помусолив сигарету, Фратьянно подытожил: – Значит, довольно известный актер, да еще и офицер ВВС, так? Да уж, дело вдвойне трудное. Убрать его будет нелегко, а спрятать концы в воду, когда вся полиция встанет на ноги, еще сложнее.

– Поэтому мне и порекомендовали обратиться к Джимми Проныре¹.

– Верно посоветовали, мистер, хм, Смит. Вы пришли по адресу. А жена у вас красивая? – как бы между прочим поинтересовался Фратьянно. Свое настоящее имя клиент говорить не стал, и Проныре было интересно вытянуть о нем как можно больше сведений.

– Вот, смотрите. – Смит с готовностью открыл бумажник и показал маленькую, меньше двух дюймов, черно-белую фотографию. Хотя карточка была изрядно потрепана, но можно было различить прелестное личико и белые локоны.

– Хороша, – присвистнул Проныра. – Ради такой женщины вам действительно стоит рискнуть. Но не уверен, что это касается моей персоны. Вы понимаете, что боссы будут недовольны поднявшейся шумихой?

– Джек Драгна? – презрительно растянул губы Смит. – Да вы ведь даже не входите в его семью и не обязаны считаться с мнением этого недотепы. Пока такие вот лихие парни, как вы, не вступят в его банду и не наведут в ней порядок, она так и останется «мафией Микки Мауса».

Улыбнувшись старой шутке, а над микки-маусной мафией действительно смеялся весь город, Фратьянно покачал головой.

– Нет, конечно, я говорю о не о Драгне. Ему даже букмекеры не платят дань, и никто ни в грош не ставит всю эту шайку, по недоразумению именуемую бандой. Но Голливуд – это вотчина Багси Сигела, лишь ему разрешается вымогать у актеров и продюсеров деньги. Ну и, соответственно, убивать.

– И еще он является правой рукой Лански Мейера, – вздохнул клиент, – босса боссов мафии, которого слушался даже Аль Капоне.

– Ага, вы в курсе. Представьте, каким человеком надо быть, чтобы подчинить себе всю Коза Ностру, да еще не сицилийцу, и даже не итальянцу, а еврею. С Лански шутки плохи.

«А ведь у посетителя такой же едва заметный акцент, как у Сигела и других еврейских подручных Мейера, – вдруг понял Джимми. – Уж не из Синдиката ли он? Судя по его ухваткам, вполне может быть. Наверно, этот тип решил, что лучше не позориться перед своими и заказать киллера на стороне».

Обеспокоенный молчанием бандита и истолковав его как нежелание взяться за работу, Смит энергично принялся убеждать:

– Боссу боссов сейчас нет дела до такой мелочи. С началом войны у мафии своих проблем до черта, например, освободить своих людей от призыва. Я слышал, даже боссов иногда

¹ Jimmy the Weasel. Джимми «Ласка».

забирают в армию. Правда, некоторые сами уходят добровольцами, чтобы избежать тюрьмы. И потом, многие товары сейчас в дефиците и продаются только по карточкам. Это значит, что скоро появится огромный черный рынок, а чтобы организовывать его в каждом городе, нужно задействовать уйму людей. Опять-таки старые пути поступления наркотиков перекрыты, и нужно срочно искать новые. Но товар из воздуха не возьмется, а следовательно, еще надо создать сырьевую базу где-нибудь в Мексике. Производство спирта из-за войны тоже снижается, вынуждая расконсервировать старые заводы по производству патоки. Так что поверьте, мистер Фратьянно, у Синдиката сейчас и так дел по горло, и вешать себе на шею еще одну проблему он не станет.

– Умеете вы убеждать, мистер Смит, – сдался наконец Джимми. – А пять тысяч на дороге не валяются.

– Четыре с половиной, – развел руками клиент. – Как я уже объяснял, больше мне собрать не получится, не привлекая к себе особого внимания. Так как вы планируете провести операцию?

– Где служит ваш офицер?

– На восемнадцатой военной авиабазе в Калвер-Сити. Сейчас, правда, лейтенант в командировке, но через два дня вернется.

– Значит, будет возвращаться домой ночевать или хотя бы на выходные.

– Полагаю, что он предпочтет ездить домой каждый день, ведь его ждут жена и маленький ребенок, которых он обожает. Вот, взгляните на фотографию.

Посмотрев красивое цветное фото голливудской звезды, Фратьянно удовлетворенно хмыкнул.

– Это же Джейн Уайман. Красотка что надо. Тогда по дороге домой он непременно заскочит в магазин купить что-нибудь. Я с напарником подкараулю лейтенанта у его машины, и когда он к ней вернется, расстреляем его в упор из автоматов.

Смит одобрительно покивал, выказывая свое полное согласие:

– Мне очень нравится ваш замечательный план. Сразу видно опытного профессионала. И я даже знаю, где объект любит останавливаться. Но давайте внесем небольшое изменение. Вы наймете симпатичную проститутку с приличной внешностью, и она под чужим именем арендует недалеко домик. Подсадная утка будет караулить актера, а когда он появится, подойдет к нему, расскажет, как любит его фильмы, и попросит расписаться на своем портрете, который хранится у нее дома. Конечно, никто не сможет отказать девушке в такой трогательной и невинной просьбе. Ну а там будете вы, вооруженный револьвером с глушителем. Если объект успеет выбежать, то не преследуйте. Никакой стрельбы на улице, понятно? – Голос Смита неожиданно стал таким твердым, что Проньера поневоле втянул голову в плечи, хотя мафиози был отнюдь не робкого десятка. – Но осечек быть не должно. Когда он входит, то никого видеть не должен. Как только окажется внутри, заходите со стороны двери, отрезая путь отхода. Если в доме два выхода, то у обоих должно стоять по человеку, чтобы ему некуда было деться. И еще, рядом с телом оставите вот эту записку. Тут сказано, что покойного наказали за соблазнение чужой жены.

Джимми мельком взглянул на текст, составленный из вырезанных из журнала слов, и коротко уточнил:

– Девица?

– Естественно, вы устраните ее совсем в другом месте, и убийство еще одной шлюшки никак не свяжут с нашим делом. Если согласны, то вот номер камеры хранения, где хранится аванс.

– Да, сэр, – почти подобоострастно закивал Фратьянно. «А ведь клиент, вернее заказчик, черт бы побрал эти термины, мог бы и лично все прекрасно проверить, – подумал он, уточняя последние детали. – И о клиенте все уже разведал, и план подготовил».

Тут Пройдоха попал в самую точку. Загадочный Эвард Смит, так он значился в фальшивых документах, несколько недель готовил несчастный случай на съемочной площадке. Но так получилось, что высадка японского десанта на Гавайях очень сильно встревожила Рузвельта, и он взялся за подготовку к войне, в том числе информационную, еще активнее, чем в нашей истории. Актера мобилизовали, и весь хорошо продуманный план полетел к чертям, а готовить новую операцию одному было долго и трудно. Вот и пришлось «Смиту» обратиться к местному гангстеру.

о. Оаху, Гавайи

Тимоти Вэнс с удивлением рассматривал суматоху, царившую в гарнизоне, куда его срочно вызвали без объяснения причины. Что тут случилось, было совершенно непонятно. Кроме обычных усиленных постов, всюду еще мелькали белые каски военной полиции. На плацу толпилось множество не только пехотных, но и флотских офицеров. Казалось, здесь собралась половина командного состава острова. Тиму еще никогда не приходилось видеть столько больших чинов сразу.

Заметив знакомого солдата, Вэнс схватил его за рукав и спросил, что там за тип, из-за которого поднялась такая суматоха. Посмотрев на Тима ошалелыми глазами, пойманный рядовой обреченно махнул рукой:

- Там первая леди.
- В каком смысле?
- В смысле миссис Рузвельт.

Как ни старался Вэнс обойти толкучку стороной, но его уже заметили и потащили прямо к Элеоноре Рузвельт. Жена президента, отважившаяся на полет в осажденный гарнизон, ласково улыбнулась ставшему знаменитым сержанту и, пожав ему руку, продержала ее достаточно долго, чтобы фотографии тщательно запечатлели сей исторический момент.

После фотосессии Тима без лишних слов ошастливили новым назначением:

- Поступаешь в распоряжение лейтенанта из первого кинопроизводственного отдела.

Второй лейтенант, которому отдали Тима, был высоким, хорошо сложенным красавцем с голливудской улыбкой. Форма у него была странной – кавалерийские ботинки, бриджи и широкополая шляпа дополнялись значком в виде крылышек, указывающим на принадлежность к авиации. Но в первые дни войны, когда из запаса призвали множество офицеров, подобные несоответствия были в порядке вещей.

Вглядевшись в лицо своего нового командира, Вэнс даже присвистнул от изумления и, буквально растянув рот до ушей, не удержался от реплики:

- Ты «Гиппер».

Лейтенант подобной фамильярности не возмутился, но сержант тут же поспешил поправиться:

- Счастлив служить под вашим командованием, сэр.
- Значит так, сержант, – улыбнулся в ответ актер. – Пока работаете с моей съемочной группой, никаких званий. Вы Тимоти, а я Ронни. Согласны?
- Но вы же не просто офицер, – осмелился возразить Вэнс, – вы же звезда.
- Забудь об этом, я же, в отличие от тебя, не настоящий герой, а киношный.
- Разве? А я слышал, что когда ты в юности работал спасателем, то вытащил из воды семьдесят семь человек.

– Верно, но в меня же при этом не стреляли. Так, Тим. Я перед полетом ничего не ел, а молодой организм требует пищи. Пойдем, поищем, чем бы нам перекусить, а то на голодный желудок плохо работается.

– Тогда у меня предложение. Здесь, в гарнизоне, суета страшная, так что лучше отправиться прямо к нам в учебный лагерь. Это недалеко, и заодно есть что поснимать.

Ронни не возражал, и вся съемочная группа, побросав оборудование в грузовик, отправилась завтракать в более спокойное место.

Часовой у въезда в лагерь сидел на стуле, но не дремал – на войне нельзя расслабляться. Окинув строгим взглядом приезжих и убедившись, что джапов среди них нет, он лениво спросил у странного офицера:

– Ты куда?

– А куда может стремиться военный? – весело ответил Ронни. – Конечно же поближе к кухне.

– А, ну давай. Тим тебя проводит.

Временная столовая временного лагеря представляла собой несколько столов, накрытых навесом. Мест на всех не хватало, и Тим потащил командира, вернее продюсера, к штабелям ящиков, лежавшим неподалеку. Снаряды к зенитным орудиям еще вчера выгрузили где придется, и начальство до сих пор не могло придумать, куда их теперь переместить.

Вольготно расположившись на ящиках, которые служили и столами, и стульями, Тим стал ждать, пока им принесут завтрак. Ронни без колебаний последовал его примеру, но кивнув на солдат, которые как ни в чем не бывало завтракали рядом с ними, поинтересовался:

– Не боятся они сидеть на снарядах?

– Там же взрывателей нет, – пожал плечами Тим.

– А если налет японцев?

– Ну, об этом можно не беспокоиться, – тихонько рассмеялся сержант. – Джапы берегут боеприпасы для кораблей, и на нас их больше не тратят. Ведь скоро подойдет наш флот с авианосцами, и тогда у япошек каждый снаряд будет на счету.

Вскоре принесли еду, и Тимоти смущенно улыбнулся:

– Извини, Рон, у нас тут не ресторан, и фарфоровой посуды тоже нет. – Тарелки действительно были металлические, хотя и эмалированные. Богатым ресторанным ассортиментом повара тоже не могли порадовать. Завтрак можно было бы принять за скромный пикник, если бы не зеленый цвет салфеток и скатерти.

Впрочем, спартанские условия ничуть не смутили звезду, и он как ни в чем не бывало уплетал яичницу, запивая ее холодным пивом прямо из котелка.

– Как тут у вас дела? – спросил он, немного утолив голод и перейдя к следующему блюду. – В газетах трубят о победах, но вы так вкопались в землю, как будто ждете нападения.

– Победы? – фыркнул сержант, вялоковыряя вилкой в салате. – Когда джапы высадились на островах, их удалось выпихнуть с Мауи, вот и все успехи. Вот только потом оказалось, что эта высадка была отвлекающей, а все основные силы японцев брошены на Кауаи. Гарнизон там немногочисленный, всего две роты, так что шансов у него, сам понимаешь... По ночам корабли еще вывозят жителей и раненых из Порта Алена, но не факт, что наши смогут там продержаться еще хотя бы несколько дней.

Ронни так удивился, что даже перестал есть.

– Но у вас же на Оаху больше двух дивизий. Почему гарнизону Кауаи не отправят помощь?

– Оаху очень большой, – рассудительно возразил Тим. – Когда японцы привезут свои подкрепления, нам будет очень трудно его оборонять, а ведь здесь наша главная база. Да и сам посуды. Вот пошлют на Кауаи, к примеру, полк. Отбить остров назад он все равно не в силах, и сможет только удерживать ключевые позиции. А противник тем временем высадится еще где-

нибудь, к примеру, на Большом острове. И что же тогда делать, раздергать весь гарнизон на защиту архипелага, а базу отдать врагу?

Вопрос был явно риторическим, и Ронни, ничего не ответив, продолжал жевать. Закончив с консервированной индюшатиной, он накинул на сладкую рисовую кашу.

Сержант отодвинул тарелки, видимо потеряв аппетит, и только продолжал потягивать компот через соломинку. Немного помолчав, он полюбопытствовал:

– Я думал, ты должен служить в кавалерии, командовать эскадромом, как в фильме «Дорога на Санта-Фе».

– Ха, мы же не с индейцами сражаемся. Да и зрение не позволяет служить в действующей армии, вот мне и поручили снимать учебные фильмы для ВВС. Правда, в первый же день меня решили вдруг послать сюда на съемки кинохроники. Как видишь, даже обмундирование не успел получить. Кстати, как тебе моя роль в «Санта-Фе»?

– Честно?

– По возможности.

Вэнс пару секунд подумал, не желая расстраивать знаменитого актера, но все-таки высказал ему все, что думал:

– С точки зрения солдата, ты меня разочаровал. Тебе поручили играть Джорджа Кастера, нашего национального героя, но получился он каким-то вялым и безынициативным. Конечно, в фильме будущий генерал был еще юным лейтенантом, но все же не мог герой Гражданской войны быть таким рохлей.

– Все понимаю, – пожал плечами Ронни, – но так решили сценарист и продюсер. Думаешь, я не знаю, как он бросился в безнадежную атаку на полчища индейцев, поведя свой отряд на верную гибель?

– С его последним сражением не все так просто, – не согласился Вэнс. – Мне приходилось изучать военную историю, в том числе и сражение при Литтл-Бигхорне. Так вот, если бы зыбучий песок не помешал кавалерии форсировать реку, Кастер смог бы захватить в плен женщин и детей, принудив дикарей к миру. Он раньше уже проделывал такой фокус, и весьма успешно.

– Надо же, – изумился Ронни, – а мне на военных курсах этого не рассказывали. Знаешь, Тим, в чем-то я тебе даже завидую. Ты на своем месте, все знаешь о своей профессии, и уже успел отличиться. Наверно, благодаря войне тебя даже в офицеры произведут. Предвзвездки предвзвездками, но как ни крути, все люди созданы равными. И не смотри так недоверчиво, большая война многое изменит.

– Может быть, может быть, – задумчиво ответил сержант. Так далеко его мечты еще не заходили, но почему бы и нет. – Если вся страна увидит в кинохронике, как жена президента жмет мне руку, то глядишь, к черным станут относиться чуточку лучше. Кстати, а вот в России негров очень уважают.

– Честно говоря, что-то не верится, – скептически покачал головой лейтенант.

– Нет, правда, – заверил Тим. – Если ты зайдешь в негритянский клуб, то среди портретов великих негров увидишь Пушкина. В России он знаменитый поэт, и его там очень любят.

– Раз так, пусть приезжает к нам и ведет агитацию за равные права.

– Да он же давно умер. Русские как раз недавно праздновали столетие со дня его убийства.

– Значит, все-таки российские расисты убили негра, – констатировал Ронни. – И там как и везде.

– Его застрелили не сами русские, а французы. Но все-таки, – вернулся Вэнс к теме разговора, – даже если цветных у нас тоже начнут уважать, быть белым намного лучше, да еще актером или офицером. Вот ты, Ронни, скоро вернешься домой, к семье, будешь жить в своем большом доме в престижном районе, где в окно видно надпись «_OLLYWOODLAND». Или буквы уже починили?

– Да какое там, – махнул рукой лейтенант. – Пока губернатором Калифорнии не станет актер, порядок в штате никто не наведет.

Пока командиры обедали, негры, работающие на кухне, не сводили глаз со звезды и восхищенно перешептывались:

– Ты смотри, завтракает вместе с мулатом как ни в чем ни бывало.

– Я вам говорю, он будущая надежда Демократической партии. Вот увидите, мистер Рейган еще многого добьется.

Ввиду отсутствия боевых действий на острове, киногруппе пришлось ограничиться съемками учений. В качестве главного актера привлекли рослого Билла Фармера. Ирландцу нравилось позировать, и он с суровым видом то сидел в окопе, то выскакивал и бежал с винтовкой наперевес на невидимого врага. Помимо съемок крупным планом, были и батальные сцены в масштабе целой роты. Не забыли и заснять хорошо подготовленные укрепления, чтобы уверить зрителей в несокрушимости гавайской обороны.

Но не все отснятые кадры были такими же воодушевляющими. На берегу, густо усеянном минами, со вчерашнего дня лежали тела моряков с потопленного джапами корабля. Пока командование спорило, стоит ли снимать мины, чтобы похоронить погибших, они так и оставались там, куда их выбросил прибор. Ужасный пейзаж не любят показывать в кинохронике, но ситуация может так сложиться, что для поднятия боевого духа придется пойти и на это.

Отсняв за два дня все, что нужно, съемочная группа собиралась возвращаться, но тут ее позвали в госпиталь, чтобы взять интервью у раненой медсестры. История, которую она поведала, была просто жуткой. Захватив на Кауаи госпиталь, расположенный на берегу океана, дикие джапы сначала вывели из него весь врачебный персонал, после чего из здания послышались крики и выстрелы. Затем всем врачам и медсестрам приказали войти в воду и повернуться спиной, после чего их расстреляли из автоматов. Спасти удалось лишь одной медсестре, которая с пулей в спине смогла выжить, затаившись среди трупов. Ночью ее подобрала разведчики, приплывшие на катере и оказавшие первую помощь.

Эта задержка спасла жизнь всей съемочной команде, не успевшей на вечерний рейс. Когда тяжелый бомбардировщик, так и не дождавшийся пассажиров, взлетел в сумерках и повернул в сторону континента, его пилоты были совершенно спокойны, не ожидая нападения. Ночью японцы не летали, ведь посадка на авианосец в темноте дело крайне рискованное, а восстановить разрушенные аэродромы на захваченном острове они не позаботились. Поэтому когда к самолету приблизились две еле заметные в темноте тени, никто не ждал беды. Только после того, как трассирующая очередь, выпущенная с дистанции полсотни ярдов, подожгла двигатель, бортстрелки засуетились. Но было уже поздно. Так и не успев набрать высоту, бомбардировщик рухнул в море вместе с экипажем. Убедившись в его гибели, японские пилоты с чувством глубокого удовлетворения повернули к своему аэродрому. Сесть ночью на авианосец действительно очень трудно, но на Кауаи их ждал большой оборудованный аэродром. А что он выглядит с воздуха как полуразрушенный, так это неудивительно. Японцы большие мастера по маскировке, а постоянные войны в Азии их многому научили.

Вашингтон, округ Колумбия

С началом войны совещания в ФБР шли непрерывно, не оставляя Эдгару Гуверу времени даже на скачки, и дело было не только в немецких шпионах. Те подозрительные элементы, сочувствующие красным, за которыми раньше просто наблюдали, теперь требовали повышенного внимания, как, например, Хемингуэй.

– Вы только посмотрите, что пишет наш агент на Кубе в своем донесении, – неистовствовал Гувер, тыча пальцем в доклад. – «М-р Хемингуэй находится в дружеских отношениях с консулом Кеннетом Поттером с весны 1941 года». С весны, понимаете, сколько времени уже прошло, а мы узнаем об этом только сейчас! А теперь он еще организовывает свое Антифашистское контрразведывательное агентство, и у нас нет повода в этом отказать. Чем будет заниматься это агентство, на кого будет работать?

– Очевидно, выслеживать фашистских и франкистских шпионов, – робко предложил кто-то и тут же вжался в кресло под строгим взглядом директора Бюро.

– Ага, одних выслеживать, а других плодить. Вы не должны спускать с него глаз.

– У нас слишком мало людей, просто невозможно уследить за всем.

– Вы же знаете, что я могу выделить для борьбы с красными не больше четверти своих агентов, да и то тайком. Правительство почему-то не считает борьбу с «подрывными элементами» приоритетной. Оно не понимает, что главная угроза для страны – это коммунисты, которые хотят свергнуть наш строй. Так что обходитесь имеющимися силами и работайте за троих. Все с этим вопросом. Теперь доложите по убийству нашего агента Т-10.

Глава криминального следственного отдела тяжело поднялся со своего места и протянул Гуверу еще одно дело. На стол легла новая, еще не потрепанная папка под номером 100-382196. Досье на Рейгана открыли в 1941 году, когда его назначили членом правления гильдии киноактеров. Правда, запасным, но этого было вполне достаточно, чтобы заинтересовать Бюро. Второй раз за него взяли буквально месяц назад. Тогда, после остановки немецкого наступления под Брянском и Вязьмой, стало ясно, что Советы войну как минимум не проиграют, что вызвало среди американцев всплеск симпатий к русским, отважно борющимся с фашистами. Ну а ФБР в свою очередь начало ответные действия, вербуя все больше доносчиков². И вот буквально через неделю после привлечения нового ценного информатора его вдруг убивают.

– Официально в расследование ФБР не вмешивается, – начал докладчик, – но мы внимательно изучаем все материалы следствия. Первая и основная версия, что это сделали ребята Сигела.

Услышав знаменитую кличку, большинство присутствующих поморщились. Бенджамин Сигельбаум, больше известный как Багси Сигел, являлся уполномоченным Лански Мейера в Лос-Анджелесе. А сравниться с Лански по могуществу мог только Лаки Лучано, даже в тюрьме продолжавший руководить итальянской мафией. Когда-то в юности эти никому не известные парни не раз дрались, обзывая друг друга «грязным итальяшкой» и «жиденком». Но потом, объединившись, они постепенно создали преступный Синдикат, контролировавший всю страну. Лучано сейчас сидел в «Сибири», как мафиози называли Даннеморскую тюрьму, что, впрочем, не сильно мешало ему править своей подпольной империей. А вот справиться с Лански ФБР было не в состоянии. Впрочем, сажать его уже не требовалось, да и Счастливику недолго осталось отдыхать на нарах, уж очень они стали нужны правительству. Когда США начали поставлять Британии помощь по программе ленд-лиза, немцы в ответ заволокли американские порты своими агентами, занимающимися саботажем. После официального объявления войны количество диверсий, естественно, резко возросло, и спецслужбы ничего не могли с этим поделать. Двести доков на восточном побережье вместе с прилегающими складами невозможно было контролировать без помощи мафии, поэтому германские и итальянские агенты творили там все, что хотели. По настоянию контрразведки, нью-йоркский прокурор уже начал прощупывать почву для переговоров с местными мафиозными боссами Костелло и Ланцем, но Лански твердо дал властям понять, что без Лаки Лучано дело не выгорит.

Услышав имя подозреваемого, Гувер едва слышно прошептал:

² В нашей истории Рейгана завербовали только в 1943 году.

– Только не он, только не Мейер.

– Чертов Сухо-млан-ский, – отозвался эхом Клайд Толсон, бессменный помощник Гувера. – Почему его родители не остались в своей России? – Он переглянулся с шефом, спрашивая взглядом, что делать. Конечно, время от времени Лански приходилось отдавать полиции своих подчиненных, если улики были неопровержимы, но все же он старался делать это пореже. А уж арестовать самого босса боссов было невозможно в принципе, уж очень значительным влиянием в стране он обладал. Когда Мейер заявлял, что его Синдикат могущественнее, чем «Юнайтед стил корпорейшн», то он ничуть не преувеличивал. Очень многие политики были на содержании у мафии, не гнушаясь получать деньги от такого вполне respectable вида бизнеса, как игровая индустрия, на котором Лански как раз и специализировался.

Кроме «пряников», босс боссов не забывал и о компромате, на всякий случай храня у себя в сейфе нехорошие фотографии. Это в наше «просвещенное» время фото главы ФБР и его заместителя, наряженных в женские платья, не вызовут скандала, но тогда это грозило отставкой. Сам же Мейер отличался несвойственной для гангстеров того времени строгостью нравов, и даже принципиально не занимался крышеванием проституции. Будучи одним из богатейших людей в стране, он жил в сравнительно небольшом доме и ездил на арендованной машине, подавая пример скромности.

Неудивительно, что все попытки свалить «гения финансового мира», как величали Лански, заканчивались полным провалом. Так, полгода назад некий Эйб Рилз, которому грозила смертная казнь, решил дать показания полиции. Обладая абсолютной памятью, он две недели подряд рассказывал о преступном мире, надиктовав двадцать пять томов компромата на всех главарей мафии. Итог следствия был вполне ожидаемым. Опасный свидетель, сидевший в номере гостиницы под надежной охраной полиции, не сводившей с него глаз, каким-то образом выбросился в окно и, упав с шестого этажа, разбился насмерть. Все двадцать пять томов, в которых были перечислены сотни имен, таинственным образом исчезли.

Так что связываться с большим боссом даже для ФБР было себе дороже, и все присутствующие на совещании это хорошо понимали. Встревоженный произведенным эффектом докладчик не стал затягивать паузу и быстро уточнил:

– Сигел связался с нами и заверил, что он тут ни при чем. Да и Нил Рейган в своих отчетах никогда не писал, что у его брата имеются проблемы с мафией.

– Вторая версия, – предположил Толсон, – как я понимаю, это опять напортил Джек Драгна.

– Да, от этого придурка всего можно ожидать, – вполголоса пробурчал Гувер.

– Но и там вроде все чисто. Мафия Микки Мауса никогда не осмелится лезть в чужую епархию.

– Слушайте, может, и правда здесь все дело в женщине? – возбужденно воскликнул Толсон. Обычно хладнокровный, он мог выйти из себя, когда дело касалось противоположного пола. – Эти твари на все способны, ведь так? – Он оглядел собравшихся. Но спорить с жено-ненавистником никто не стал, и после короткой паузы чтение доклада продолжилось.

– По последним данным, получены показания шестидесяти двух женщин, что это их мужа из ревности совершили убийство актера – самостоятельно или же наняв киллера. Большинство из подозреваемых уже допрошены, и восемнадцать из них не смогли предоставить надежное алиби. Трое дали признательные показания.

– Вот и славно, – обрадовался Гувер. – Пусть одного из них посадят, а дело закроют.

– Но в газетах уже высказывают предположение, что в убийстве замешана мафия.

– Ну и что, – пожал плечами директор ФБР. – Как обычно заявите, что организованная преступность – это плод воображения журналистов, и никакой мафии не существует.

* * *

В этот вечер мы решили провести чаепитие у сестер Жмыховых, для чего взяли все необходимое. Пачка чая, естественно листового, ведь пакетики у нас в стране пока еще не делают, печенье и масло из командирского рациона, половинка хлеба и, наконец, дорогой подарок – связка чеснока.

Квартира была, как и следовало ожидать, коммунальная, примерно такая, как их и показывают в фильмах. Большой коридор, заставленный мебелью; велосипед, висящий на гвоздях, вбитых в стену; горы старой обуви, которую жалко выбрасывать. Хотя отдельную квартиру семье Жмыховых и не выделили, зато у них было целых две комнаты немаленького размера, как-никак отец врач.

Вот что огорчало, так это холод. Неудивительно, что девушки предпочитали ночевать в госпитале. Хотя они пришли с работы еще полчаса назад и сразу же растопили буржуйку, но дома у них все еще было прохладно.

В комнате сестер в глаза сразу бросались книжные шкафы, заваленные литературой на всевозможные темы. Имелась и коллекция пластинок, но сама радиолы отсутствовала – ее в начале войны, как и положено, сдали на почту. Пока я осматривался, уже накрыли стол и заварили чай, которым мы дружно и принялись отогреваться. Дверь в комнату принципиально не захлопывали, чтобы не дать соседям пищи для пересудов, чем они вскоре и воспользовались. Зайдя под благовидным предлогом, милая пожилая соседка Георгиевна предложила «юношам» не стесняться и ходить курить на кухню или в коридор, чтобы не дымить в комнате. На возражение, что мы не курим, она только недоуменно похлопала глазами, решив, что ее разыгрывают, и обиженно ушла.

Так как все мы были люди более или менее военные, то главной темой стало направление будущего наступления, и сколько было человек, столько имелось и мнений. Сводки новостей ничем помочь не могли, они были стандартными и не менялись изо дня в день: «Наши войска вели бои с противником западнее Харькова, в районе Курска и Ленинграда. На других фронтах никаких изменений не произошло».

Конечно, я помнил, что когда наш лыжбат везли на север, то в том же направлении двигалось множество поездов с людьми и техникой. Но, во-первых, мне неизвестно, посылали эти подкрепления для обороны Ленинграда или все-таки готовили наступление. А во-вторых, делиться секретными сведениями с посторонними нельзя.

Не добившись от нас толковых предсказаний, Зоя завела разговор о Тихоокеанском фронте:

– Поражаюсь я самоуверенности американцев. У них вот-вот острова могут отнять, а они больше озабочены убийством какого-то актера.

– Ты откуда знаешь? – удивился я.

– В «Известиях» заметка была, в разделе «Культурная жизнь». Кстати, Саша, а ты не смотрел американский фильм «Дорога на Санта-Фе»?

– А как же, смотрел. – Удивительное совпадение, но из сотен старых черно-белых фильмов, снятых в Голливуде, именно этот мне посмотреть довелось. Просто так получилось, что, интересуясь историей и предысторией Гражданской войны в США, я просмотрел все, что нашел на эту тему. А ведь не такая уж хорошая у меня легенда. Спросят девчата что-нибудь о другом фильме или, к примеру, об известной певице, и я поплыву. Надо потом шепнуть ребятам, чтобы тонко намекнули сестрам, о каких темах меня расспрашивать не рекомендуется. А то ведь вопросами засыплют. – Сюжет в основном про Джона Брауна и его борьбу с властями.

– Я же как раз курсовую про него писала. Выкладывай все подробно. – Аня от восторга даже дернула меня за руку. – Ну, расскажи, расскажи.

– Хорошо, слушай. Этот Браун организовал огромную банду, которая похищает афроамериканцев. Черных завлекали обманом, обещая в будущем освободить. Впрочем, когда армия на них наслала, Браун действительно освободил своих чернокожих рабов. Но афроамериканцы и сами не рады своей свободе, не знают, на что им теперь жить.

– Как ты смешно говоришь, – прыснула Зоя. – А что, еще есть евроамериканцы, азиамириканцы и, конечно, индейцы – амероамериканцы? Вот «негр» – это коротко и понятно.

– Ты что, – возмутился я такой безграмотности, – это же оскорбление. Говорить «негр» не политкорректно, правильнее сказать «чернокожий».

– Так ведь «негр» это и значит «черный», – недоуменно пожал плечами Алексей. – Вроде испанское слово. Как же тогда в Южной Америке должны говорить?

– А там такой проблемы нет, потому что почти все цветные. Ну ладно, не перебивайте. Когда злобный Джон Браун узнал, что его сын застрелил одного белого, который пытался вернуть похищенного раба, то из мести приказал сжечь целый поселок.

– Потаватоми, – уточнила Аня, слушавшая мой рассказ буквально с открытым ртом.

– Ага, его. В конце концов банда Брауна решила поднять всеобщее восстание, и для этого захватить арсенал где-то рядом с Вашингтоном. Но помощи от черных они так и не дождались, а может, те и не хотели восставать.

Тут уж Аня не выдержала и уточнила, что из отряда в двадцать два человека пятеро были неграми.

– Странно, а в фильме во время захвата арсенала не показали ни одного. Я еще удивился – почему они не сражаются за свою свободу.

– Так, так, и что же было дальше? – сквозь зубы процедила Аня, метая глазами молнии в сторону карты на стене, где была изображена Америка.

– Потом Браун убил заложника...

– Как, еще и это?

– И истребил защитников городка. Но тут прискакала армия и быстро захватила здание штурмом.

– А как же длительная осада пожарного сарая стократно превосходящими силами?

В ответ я только развел руками:

– Так было в «Дороге на Санта-Фе». Вы же просили меня рассказать не как все было на самом деле, а что показали в фильме.

Тут Аню прорвало, и она высказала все, что думала о зарубежном кинематографе:

– Нет, ну такая несусветная чушь! Всю историю просто вывернули наизнанку. Ведь поймите, это не мое личное мнение, а официальная история США, подтвержденная документами, а Джон Браун их национальный герой. И вдруг его изобразили как кровавого бандита.

«Да уж, девочка, – мысленно отозвался я. – Это только цветочки, ты еще “Штрафбред” не видела».

– Послушайте, я теперь не удивляюсь, что этого актера убили. Так все опорочить.

Праведное возмущение негодующей Ани было неожиданно прервано стуком распахнутой двери, это была давешняя соседка. Не обращая внимания на пистолеты у нас в руках, мальчики только с фронта, нервные все, Георгиевна закричала благим матом:

– Скорее на кухню, сводку передают!

Голос Левитана изменился, да еще как. Если раньше его слова равномерно падали, то теперь они просто торжественно взмывали ввысь:

– На днях наши войска, расположенные на подступах к Ленинграду, перешли в наступление против немецко-фашистских войск. На Ленинградском фронте наши войска в результате

решительного штурма овладели городом Нарва. Ввиду отказа сложить оружие немецкий гарнизон города истреблен. Враг поспешно отходит, бросая технику, вооружение и неся огромные потери. Войска нашего Новгородского фронта, измотав противника в боях, заняли Сольцы и окружили город Новгород...

Проанализировав все сказанное диктором, а также то, что умалчивалось, я составил примерное представление обо всей операции. В общем, наступление, которое, как оказалось, шло уже три дня, получилось вполне грандиозным. Во-первых, Демянск все-таки отрезали. Во-вторых, окружили Новгород. Он подготовлен к обороне, так что штурмовали его неспешно. От Холма войска Северо-Западного фронта... а нет, он же теперь называется Новгородским. Так вот, от Холма наши сначала прорвались к Чихачево, а потом ударами с двух сторон – с юга и с востока, захватили станцию Дно. Дальше уже шли сравнительно незащищенные тылы, и наши войска смогли быстро продвинуться к Пскову, с ходу занять город и даже подойти к Псковскому озеру. Тем временем с севера Ленинградский фронт наступал вдоль Балтийского моря, пытаясь выйти к Чудскому озеру. Если это удастся, то остатки группы армий «Север» окажутся в полуокружении, получая снабжение только по льду озер. Железных дорог у немцев не останется. На транспортную авиацию надежды тоже нет, на три новых кольца самолетов не напасешься. В этой ситуации им лучше всего бросить тяжелую технику и эвакуировать войска по льду. Но, скорее всего, Гитлер прикажет держаться до последнего и не отступать. Но ведь удерживать сильно растянувшийся фронт, к тому же не имея подготовленных позиций, очень трудно. Скорее всего, Ленинградский и Новгородский фронты продолжат наступление вдоль восточного берега озер, соответственно Чудского и Псковского, и, не встречая на своем пути значительных сил, соединятся уже через несколько дней.

Вспомнив, что девушкам завтра рано вставать, я намекнул, что нам уже пора откланяться. Потрясенным новостью Алексею с Павлом тоже не терпелось добраться до нашей карты с отмеченной линией фронта, и потому уговаривать их не пришлось.

Дома нас уже поджидал Куликов. Не дав мне даже раздеться, он сразу же затащил меня в кабинет, подергал дверь, проверяя, что она заперта, и бережно развернул на столе карту:

– Скажите, у вас когда-нибудь рассматривались похожие варианты?

– В альтернативной истории подобные замыслы встречались, но только по-другому. Вот так, – показал я. – Но вообще-то мне не верится, что подобное можно осуществить.

– Это уже не нам решать. И, пожалуйста, никому ни слова, ни намек на то, что сейчас видели.

Как только майор ушел, я бросился к карте, но путь к ней преградил Леонов, протягивающий мне какую-то бумажку:

– Вот рапорт.

– На фронт хочешь, верно? – угадал я, не глядя на тетрадный листок. – По театрам ходить совесть не позволяет, да? – Ругая Алексея, я распалился не на шутку и не мог остановиться. – Поэты-студенты на фронт рвутся, а ты отдыхаешь! А вот спроси у Наташи, как она меня от покушения спасла.

– Мне рассказывали, – насупился Алексей. – А кстати, что с ним потом стало?

– С этим полковником липовым? Отпустили, конечно. Он просто исполнитель, и думал, что делает нужное дело.

– Но при мне-то покушений пока не было. В смысле в Москве.

– Да замечательно, что *пока* не было! А ты случайно не в курсе, когда следующее, а? Через неделю, а может, завтра? Да и сам подумай. Если тебя отпустить, то взамен нужно будет найти и вызвать с фронта такого же опытного профессионала, как ты. Да еще и допустить к государственной тайне. Так что, забираешь рапорт?

Что-то раздраженно пробормотав под нос, Леонов все-таки смущенно забрал свое заявление.

– Ты, в общем, не беспокойся, – продолжал я его утешать. – Наша дивизия пока в резерве, но скоро она понадобится, и ее вновь отправят на фронт.

– Ладно, можешь не агитировать, – вздохнул Алексей. – Все понимаю.

– Между прочим, я тут тоже не ради вкусной еды и горячей ванны сижу, и на фронт не меньше твоего рвусь. Воевать, конечно, страшно, но я чувствую, что должен. А здесь остаюсь, потому что так надо.

Вот тут я отвел глаза, потому что немного слукавил. Все, что я говорил, было чистой правдой, но только несколько дней назад. А теперь меня сдерживал еще один фактор.

– Да еще – честно говоря, думаю предложение девушке сделать, – признался я.

– Ну и женись, в чем проблема?

– Так прежде еще надо получить разрешение в госбезопасности, а я что-то, ну как бы сказать, э-э...

Я растерянно замолчал, но Леонов тут же вошел в мое положение:

– Если тебя смущает обращаться с такой просьбой к руководству, давай я пошлю запрос. Разрешат, ну и хорошо. А если ответят нет, то по крайней мере будешь точно знать, что это запрещено.

– Будь добр, выручи, – обрадовался я. – А кстати, что у вас говорят девушкам в подобных случаях?

– Ну, что «один старший лейтенант хотел бы с вами расписаться». А она, если согласна, ответит да.

Весь вечер мы провели как на иголках, ежеминутно заходя на кухню, где висела тарелка репродуктора, и прислушиваясь, нет ли новых известий. Я пытался что-то писать, но не закрывал дверь в кабинет, чтобы вдруг не пропустить внеочередную сводку. Леонов с Авдеевым, казалось, исчертили карту уже до дыр, но все равно продолжали с ней возиться. Прислушиваясь краем уха к их разговору, я вдруг услышал странную фразу:

– А что, если засланцы...

Такое знакомое слово заставило меня тут же подскочить с выпученными глазами и поинтересоваться, о чем это они говорят.

– Ну, мы считаем, что теперь наши войска планируют овладеть городом Сланцы, – смущенно пояснил Павел, не понимавший, что со мной произошло, – и двигаться дальше на юго-восток.

– А, понятно, «за Сланцы», – растерянно протянул я и снова вернулся в свою комнату.

Так мы и прослонулись до полуночи, когда телефонный звонок заставил всех вскочить. Ординарец первым схватил трубку. Выслушав с каменным лицом, он растерянно повернулся к нам.

– Нужно выезжать. Машину с охраной уже прислали.

– Времени сколько, – недовольно пробурчал я, – уже комендантский час давно. Что случилось-то?

– Тебя вызывает товарищ Берия.

Глава 2

«Что еще за напасть такая, – раздраженно думал я, пока мы колесили по городу, объезжая баррикады. – Две недели здесь торчу, и никому из руководства страны в голову не приходило встретиться со мной. А тут вдруг ночью приспичило. Может, немцы прорвались, или еще какая напасть приключилась, но я-то тут при чем? История теперь пишется заново, да и фронтом занимается Шапошников, а не Берия. Что от меня понадобилось НКВД такого, что даже полковнику, ну, в смысле майору госбезопасности, не могли доверять? А, ну конечно, *они* поняли, что толку от меня уже мало, и решили спрятать куда подальше».

Алексей, сидевший за рулем, всю дорогу оживленно, но шепотом переговаривался с Павлом. Наивные, думают, что со мной сейчас будут обсуждать планы большого наступления. Ко мне ребята с вопросами не обращались, трактуя мое молчание как напряженную работу мозга, разрабатывающего очередной грандиозный замысел.

Когда «эмка» притормозила, вместо кремлевских башен, которые я ожидал увидеть, перед нами появился небольшой особняк. Улица, на которой мы остановились, похоже, была Садовым кольцом. Ну точно, к Берии приехали. В отличие от других наркомов, он живет не в Кремле, а за его стенами, и здесь же часто работает.

Сдавая полушубки в гардеробе, здесь хотя топят помещение лишь вполсилы, но без верхней одежды вполне комфортно, я заметил, что на вешалке висят два женских пальтишка. Самые обычные, в таких же ходят и Аня с Зоей. Неужели оказались правдивы либерастные сказки о бедных девушках, насильно затаскиваемых в логово злодея? Да нет, наверно, просто обслуживающий персонал.

Майор-энкавэдэшник, сидевший в приемной, или вернее в прихожей, записал меня в журнал и вежливо передал его другому дежурному.

– Проходите, товарищ Соколов. А вы, товарищи, подождите здесь.

Пройдя по короткому коридору, мы остановились перед обычной дверью, на которой не было никаких надписей. Лейтенант госбезопасности, сопровождавший меня, еле заметно кивнул и тихо произнес:

– Вам сюда.

Сам он заходить не собирался, впрочем, я тоже не спешил. Сначала вздохнул поглубже и попробовал успокоиться, переключившись на второстепенную проблему, а именно, как правильно обращаться к Берии – по фамилии, по должности или по званию. Последнее, впрочем, отметалось, так как я его не помнил. Энкавэдэшник не торопил, привыкнув к тому, что перед посещением наркома людям свойственно слегка волноваться. Наконец, заметив, что клиент готов, он распахнул дверь, и я шагнул в неизвестность.

Вот это да! За длинным столом, кроме Берии, еще сидели сестры Жмыховы. Вид у девушек был весьма озадаченный, но отнюдь не испуганный. Они держали в руках чашки, какие-то печенки и разглядывали фотоальбом.

– Вот это мы с семьей на море, – голосом доброго дядюшки пояснял нарком. – А вот мы с товарищем Сталиным сажаем деревья на аэродроме под Смоленском. Заходите, товарищ Соколов, присаживайтесь. Вы что будете, чай или кофе?

– Нет, нет, спасибо. – Сразу вспомнилась либерастная легенда о том, что в тридцать седьмом выражение «пить кофе с Берией» означало попасть в тюрьму. И пусть он тогда никакого отношения к НКВД не имел, но осадочек от этой басни остался.

Впрочем, впечатление нарком производил самое благоприятное. Интеллигентное лицо, пенсне. Глядел я на него, наверно, слишком пристально, к чему нарком явно не привык, но он вежливо перевел все в шутку:

– Вы так смотрите внимательно. Я разве отличаюсь от своих портретов?

– Извините, просто засмотрелся на пенсне ваше знаменитое.

Лаврентий Павлович уже знал, что попаданцы существа несколько необычные и до крайности любопытные, так что шокирован он не был. Наоборот, нарком с хитрой миной снял свое пенсне и протянул мне:

– Желаете взглянуть, пожалуйста.

Ну вот, одна загадка истории разгадана – стекла-то у него простые. Может, просто с возрастом близорукость постепенно прошла, а привычка носить пенсне осталась. Или он с самого начала надевал его для солидности, ведь Лаврентий Павлович занял высокие посты в весьма юном возрасте.

Увидев наркома без его постоянного атрибута, так что он перестал быть похожим на самого себя, я, не выдержав, издал тихий смешок, да и девушки заулыбались. Напряжение со всех сразу спало. Психолог, мать его. Вызвал-то зачем? Тот же вопрос буквально светился в глазах у всех, и Берия, не теряя времени, перешел к делу:

– У руководства нашей страны имеется к вам большая просьба. Принудить вас мы, конечно, не можем...

– Какие могут быть вопросы, – изумилась Зоя. – Если нужно для страны, то, конечно, сделаем все.

– Вы, товарищи, уже в курсе, что Александру приходилось работать за границей и, скорее всего, снова придется там побывать в будущем. Из-за работы он еще не обзавелся семьей, но мы совершенно не возражаем против того, чтобы он женился. – Ага, только придется ввести жену в курс дела, я же и во сне могу проговориться. Для обычного энкавэдэшника это не так опасно, но *мой секрет* – это совершенно другое дело. – Вы обе девушки положительные, комсомолки, фронтовички. Лучшего и желать нельзя. Но супруга у, хм, сотрудника внешней разведки должна быть помощником во всех делах, а значит, прекрасно разбираться в международной обстановке и, самое главное, в причинах событий. Ее задача будет не только понять, что там происходит, но и разобраться, *почему* так происходит, и какие варианты развития событий возможны *в будущем*. – Понравилась ему эта фраза, «в будущем».

У Зои глаза стали влажными, и, быстро захлопав ресницами, чтобы не выдать себя, она печально взглянула на меня и неожиданно твердо произнесла:

– Студентка-историк лучше подойдет на роль жены разведчика, чем медик. А то, что Аня влюбилась с первого взгляда, я давно поняла, хотя она и молчала об этом.

Берия вопросительно посмотрел на Аню, но та только этого и ждала, быстро ответив «да», как будто Берия мог передумать.

– Ну вот, все согласны, – удовлетворенно подытожил нарком и водрузил на место пенсне, которое до этого крутил в руках. Да он, оказывается, тоже нервничал. Не каждый день приходится проводить такую специфическую операцию, и теперь Палыч выглядел очень довольным.

Интересно, а меня что, спрашивать не будут? Сейчас нарком скажет: «Объявляю вас мужем и женой», и всё? Можно было тогда вообще меня сюда не звать, а сразу поставить перед фактом. Странно, а почему я не возражаю? Мне действительно Аня нравится не меньше Зои, а общих интересов у нас с ней даже больше. Да и честно говоря, влюбиться по-настоящему я еще не успел. А, ладно, поживем – увидим. Постепенно разберусь в своих чувствах.

Тем временем Зоя, по просьбе наркома, отправилась ждать за дверью. Правильно, сейчас начнется посвящение в тайный орден «знающих-обо-мне-всё».

– Знакомьтесь, – обычным тоном, словно предлагая стакан чаю, произнес нарком, – Андреев Александр Иванович.

Аня сдержанно кивнула. Она, кажется, даже слегка удивилась, что имя и отчество у меня были настоящие.

– Вас, товарищ Жмыхова, переводят на работу в наркоминдел, где дадут на изучение документацию по международным вопросам. Конечно, первое время выполнять задания вы не сможете и будете усиленно заниматься как общим развитием, так и специальным образованием. Но вот в будущем, – заладил одно и то же, – мы ждем от вас результатов. Впрочем, уверяю вас, вы будете в восторге от своей работы. – Я усердно кивнул, подтверждая сказанное. Вот бы мне дали почитать историю двадцать первого века, я бы просто прыгал от счастья. – Обсуждать переданный вам материал будете только с нами, товарищем Молотовым, майором госбезопасности Куликовым и еще с несколькими товарищами, включая Сталина.

Аня машинально продолжала окунать баранку в чай, не заметив, что та уже развалилась, но держалась, в общем-то, хладнокровно, и даже пыталась спорить:

– Лаврентий Павлович, но мне еще надо доучиться в институте.

– Полностью с вами согласен. Сам в свое время обивал пороги и писал заявления, упрашивая разрешить мне учиться и стать инженером.

Будущий профессиональный историк тут же наострила ушки и посмотрела с таким любопытством, что Берия не выдержал и пояснил:

– Это было в двадцать третьем, когда я работал зампреда ЧК Грузии и мы завершили ликвидацию бандитизма. Меня тогда не отпустили в институт, а вот вы доучитесь. Правда, тема вашей дипломной работы, а *в будущем*, – задолбал уже этой фразой, – и диссертации, будет закрыта.

– Так в каком направлении мне придется работать, разведка в западных странах?

– Не совсем. Разведка, конечно, но интеллектуальная. Собирать сведения и анализировать у нас умеют, нужные специалисты для этого имеются. А вот конкретно *вам* предстоит составлять прогнозы, в том числе долгосрочные, на десятилетия вперед. И сразу предупрежу, других подобных специалистов еще не было, так что методику придется разрабатывать вам самой.

– А на основе чего я буду формировать эти прогнозы?

– Скажем так, у нас уже имеются подробные наработки одного из вероятных вариантов развития событий *в будущем*. – Ух, опять. – Зная о нем, наша страна попробует заранее подготовиться к возможным кризисным ситуациям, или вовсе устранить их в зародыше. Кстати, тема вашей дипломной работы – «Международные отношения второй половины двадцатого века».

Глаза у Ани разгорелись, как у домашней кошки, увидевшей залетевшую в комнату летучую мышь. Ей еще непонятно, что за странное создание тут порхает, но уже совершенно ясно, что это желанная добыча, на которую очень интересно охотиться.

Ну что же, мечты сбываются. Сначала девушка получила мужа, которого хотела, а теперь оказывается, у нее будет сверхинтересная работа и исследования. Однако радость радостью, но Аня не забывала и о практической стороне вопроса:

– Простите, товарищ Берия, а на основе чего был рассчитан тот вариант, о котором вы говорите, если специалистов еще нет?

– Откровенно говоря, Аня, это вовсе не прогноз, а фактический материал.

Зеленоглазая

Осознание того, что я стану единственным в мире историком будущего, переполняло гордостью. Даже не переполняло, а просто распирало, тут даже сравнить не с чем. Взять, например, конструктора самолетов или того же наркома в нудел. Люди они уникальные, но таких инженеров или министров на земле много. А вот проводить исследования времени буду я одна.

Тем временем товарищ Берия молча потягивал чаек, давая мне время все осознать, но я расхрабрилась и начала сыпать вопросами:

– Как технически осуществляется сбор данных из будущего? Посылают разведчика времени? Моего мужа, да? – Спросив, я покосилась на Сашу, но тот сидел с невозмутимым видом. Наверно, для него тоже все оказалось неожиданным, и он не знал, что можно говорить, а что нет.

– К сожалению, источник данных только один, вот он сидит рядом с вами. Есть основания полагать, что перенос совершил некий аппарат, но мы его так и не нашли. Правда, остается вероятность, что он находится в районе Демянского котла и еще отыщется, но я считаю, что шансы на обнаружение крайне малы. Да и управлять артефактом мы не умеем. Так что сильно рассчитывать на повторение подобного чуда не стоит.

Самое удивительное, что после всех чудес, свалившихся на мою голову, я еще смогла спокойно выйти из кабинета. Зоя, сидевшая на стуле в приемной, сразу поднялась и как можно ласковее улыбнулась:

– Свадьба когда будет?

– Что, свадьба? Да мы об этом не говорили.

– Анна Николаевна назначается помощником наркома иностранных дел по проблемам США, – быстро пояснил Берия, вышедший проводить меня. – Правда, пока еще не в ранге советника, сначала ей нужно многому научиться. Больше она вам ничего рассказать не может.

Только дома, когда мы остались одни, Зоя тихо спросила:

– Сашу опять в Америку пошлют?

– В ближайшее время вряд ли, он и так много разведанных собрал. А мне их теперь надо разбирать и анализировать.

– Удивительно, что он себе жену где-нибудь в наркомате не подобрал.

– Не так все просто. Надо не просто узнать о том, что произошло в США, и что тамошние правители сейчас собираются сделать. Нужно точно предсказать, что будет через пять лет, через десять, через пятьдесят, и здесь без помощи историка не обойтись. Вот, к примеру, ты понимаешь, что после войны капстраны снова станут нашими врагами? Как только наши войска выбьют немцев за пределы страны, англичане и американцы высадятся во Франции. Когда мы войдем в Германию, союзники начнут тайные переговоры и перестанут разоружать фашистов, формируя из них армию. Это не разведанные, это результат анализа, основанный на общем знании исторических законов.

– Ну а, допустим, мы выбьем фрицев к весне? – засомневалась Зоя. – Ты сама говорила, что ни Англия, ни Америка к этому времени открыть второй фронт не успеют.

– Нет, к весне не сможем. Только ты, конечно, об этом не распространяйся.

– Ну а если бы? Как бы все пошло?

– Да все равно точно так же. В этом случае Гитлер перебросит на восточный фронт все войска с запада, оголив Францию, и ее можно будет брать голыми руками. И опять-таки он предпочтет договориться с западными державами без драки.

– Ух, все-то ты знаешь. Но ты не волнуйся, я никому-никому.

Утром я сладко спала, пока Зоя готовила мне завтрак и наглаживала гимнастерку. Свою, кстати, моя была совсем уже ветхой. Заметив, что я встала, она радостно сунула мне под нос какие-то книги.

– Посмотри, я тебе учебники английского принесла. У соседки взяла.

– Ты что? – Сон с меня сразу как рукой сняло.

– Не беспокойся, я сказала, что это на растопку. О твоей работе никто не узнает.

– Эх, Зоя, Зоя, не быть тебе разведчицей. Впрочем, последние слова я вслух не произнесла.

Хотя проснулась я вовремя, но на работу все же опоздала минут на пятнадцать. Мне сказали в десять, вот я из дома в десять и вышла. Впрочем, водитель, ожидавший меня у подъезда, никаких претензий не высказал. Он вообще сладко спал, положив голову на руль, и пришлось его тормошить.

Куда мы должны ехать, я не знала, но полагала, что к Кузнецкому мосту, где находилось здание Наркоминдел. Поэтому, когда мы въехали прямо на Красную площадь, я немного заволновалась, вдруг нас не пустят в Кремль? Ничего, водитель предъявил документы, и машину пропустили. Потом он показал что-то дежурному у входа в Совнарком, и тот, вручив мне временный пропуск, вежливо объяснил, куда идти.

Хотя меня уже ждали, но оказалось, что мой кабинет еще не освободили, так как выселение из него предыдущих владельцев займет не меньше часа. А пока я сидела в секретариате своего наркомата, ну да своего, уже второй день в нем работаю, ой нет, первый, успела ознакомиться со структурой «отдела США». Почему меня определили именно на американское направление, кажется, поняла – эта страна *уже* играет ведущую роль в мире. Да и «отдел двадцать первого века» тут пока еще не создан. Заодно набросала примерный список нужных мне книг и передала референту. Сразу после этого, наконец, состоялось торжественное вселение. Мне вручили под роспись связку ключей, наказав один из них, самый маленький, все время носить с собой, а остальные сдавать на охрану, и подвели к моей комнате. Заходить внутрь всем, кроме меня, было категорически запрещено, и мало того, мне еще следует запираиться изнутри. Такая вот девица в темнице. Успела заметить, что на углу в конце коридора появился дежурный энкавэдэшник, хотя утром тут никого не было. Та-ак, понятно.

Комната мне досталась небольшая, здесь до революции ютилась прислуга, но все необходимое для работы тут поместилось: небольшой стеллаж, набитый книгами, письменный стол, покрытый зеленым сукном, маленький диванчик, как раз на мой рост, на нем можно прикорнуть, когда заработаюсь допоздна. Больше всего места занимал огромный, еще дореволюционный сейф, открывающийся двумя ключами. Его содержимое манило как магнитом, но сначала я, верная своему правилу делать все по порядку, осмотрела этажерку. Тут были учебники по истории разных стран, очерки по современной политике, технические и военные справочники.

А вот теперь заберемся в сейф. Ого, да тут вся дипломатическая переписка. Послания президента США и британского премьера, письма наших дипломатов, ноты, справки, памятные записки, разведдонесения и уйма других документов. Это за что же на мою бедную головушку столько всего свалилось-то? Одна опись двадцать страниц занимает. Этим бумажным морем целый наркомат занимается, а я должна одна во всем разобраться! А ведь еще недавно я и мечтать не могла о том, что проникну во все тайны современной политики. Но это еще цветочки, а вот притаившийся внутри большого сейфа второй, маленький, таит в себе немислимые сокровища.

Дрожащими руками достала из него папку, открыла – и сразу ухнула в пропасть. Первая страница – «Причины распада Советского Союза». Только пришла в себя, новая стопка листов – «Влияние атомного оружия на международную политику». Чтение так засосало, что даже урчащий от голода живот не отвлекал. Только когда в пять вечера деликатно постучали в дверь и напомнили, что скоро обеденный перерыв, я заставила себя прерваться. Очень хотелось пролистать всю папку до конца и посмотреть, какие еще сюрпризы там хранятся, но титаническим усилием воли принудила себя отдохнуть. Да уж, первый раз с начала войны меня надо уговаривать пойти покушать. Запихав драгоценность в сейф и заглянув под стол, не упала ли какая-нибудь бумажка на пол, я заперла кабинет и побрела вместе со всеми в столовую кремлевских курсантов.

Сослуживцы, а некоторых я уже знала в лицо, посматривали на мою военную форму и медаль уважительно. Только завотдела Царапкин бросал на меня искоса недовольные взгляды.

Еще бы, толку от меня пока не было, а вот хлопот, наверно, выше крыши. Ну ничего, я к нему приставать со своими проблемами не собираюсь, у меня кроме него еще куча начальников имеется. Сам нарком, чьим полуофициальным помощником я являюсь, его зам Вышинский, который наш отдел курирует, Козырев – главный помощник Молотова, Валентин Бережков, ведущий американскую референтуру. Правда, из них я видела только последнего. Ну и конечно, я могу обращаться с просьбами к любому сотруднику отдела, да и вообще всего наркомата. Большинство из них, правда, сидит в другом здании, что не очень удобно.

Быстро покушав, я чуть ли не бегом ринулась обратно, сталкиваясь со всеми встречными, и снова погрузилась в изучение дикого мира будущего. Читая, даже забыла о том, что меня должны сегодня представить наркому, как вдруг он пришел сам. Открыв дверь с недовольным бурчанием, я тут же замолчала, так как с первого взгляда узнала Молотова. Мне его хотели представить, но увидев, как я вытянулась по стойке смирно, поняли, что в этом нет необходимости.

Вячеслав Михайлович сразу произвел впечатление человека вдумчивого и ответственного. Высокий лоб, очень умное лицо, как у профессора или шахматиста, пенсне. А верхняя губа у него, оказывается, раздвоенная, такую называют заячья. Теперь понятно, зачем Молотов усы носит. Пока я невежливо рассматривала наркома, он прикрыл дверь и сразу же взял быка за рога:

– Аня, у вас уже есть какие-нибудь мысли о нашем политическом курсе в будущем?

– Конечно, товарищ Молотов. Нам не нужно ядерное оружие.

– Вот как? – Его губы не растянулись в улыбке, но живые глаза весело блеснули.

– В смысле его надо запретить во всем мире, – тут же поправила я.

– Согласен, а как это сделать?

– Пока не знаю, тут главное Америку уломать.

– Хорошо, об этом пока рано говорить. По материалам вопросы есть?

– Да, товарищ Молотов, и очень много. Начнем с итогов войны. Почему Рузвельт отказал сицилийцам в признании независимости острова? Почему союзники оставили в покое фашистскую Испанию? Почему мы не помогли греческим коммунистам?..

– Хватит, хватит, – теперь Молотов уже рассмеялся. – Трясите своего благоверного, если кто-то и знает причины, так это он. Документации у вас достаточно?

– Нет, товарищ Молотов, но я разделила все запросы по группам: что надо выяснить, что еще уточнить, каких материалов и статистических сведений мне не хватает. И еще я приготовила несколько рацпредложений.

– Интересно, покажите. «Внести изменения в школьную программу». Так, отдадим в Наркомпрос. Это, вероятно, по истории?

– Не только по истории. Во-первых, теперь школьников надо учить английскому языку, а не немецкому. Кроме этого, добавить основы семейной жизни в старших классах и вузах. Еще, как я поняла, у нас мало грамотных экономистов, а ведь все руководители должны в экономике разбираться. И вот еще заявление – нужно срочно начать раскопки в Новгороде, там же тысячи берестяных грамот.

– Да вы хотя бы до весны подождите, зима на дворе. Да и немцев оттуда пока не выбили.

– А вы, товарищ Молотов, сначала прочитайте, а потом критикуйте. Вот примерный график работ, как раз весной и начнут.

У меня были еще сотни «почему», но сначала требовалось прочитать как можно больше документов, чтобы составить общую картину происходящего в мире, а уже потом беспокоить наркомов. Так что на этот раз Молотов легко отделался.

На следующий день, едва только я разложила карты и бумаги, как снова нагрянул нарком. Его сопровождал молодой помощник, тащивший две коробки из-под обуви. Выложив таин-

ственные подарки на стол, паренек убежал, а товарищ Молотов, пояснив в двух словах, что же это он приволок, тоже удалился, оставив меня разбираться с новым имуществом.

Хорошо, посмотрим. В первой коробке, самой маленькой, лежит толстенная стопка документов. Заграничный паспорт – ой, я теперь самый настоящий дипломат. Красивое удостоверение сотрудника НКВД, его мне нужно все время носить с собой. Одноразовый пропуск в приемную Сталина, неужели и туда придется попасть? Еще один пропуск – для поездок по Москве во время комендантского часа. Так, а это что? Удостоверение сотрудника госбезопасности, с вложенной запиской, в которой рекомендуется пользоваться им только в крайнем случае. А почему у меня звание сержанта ГБ, соответствующее лейтенанту, я же не отношусь к командному составу? Ну что же, пороемся в уставах и наставлениях, полистаем. Ого, просто в ГУГБ «сержант» – это самое маленькое звание. С этим понятно, смотрим дальше. Вот другое удостоверение, военфельдшера. Значит, кубики мне все же носить придется. А что, хорошо придумано, ведь никто не обратит внимания на военного врача. Я буду такая же незаметная, как обслуживающий персонал. Правда, немного перед Зоей неудобно. Она же выполняет обязанности старшей медсестры в госпитале, и по-хорошему ей давно должны были присвоить звание военфельдшера. Ну вот, опять я перед ней виновата.

Смотрим дальше. Еще тут лежит профсоюзный билет, талоны на пошив одежды. Ой, здорово, здесь мальчики в таких великолепных костюмах ходят, вот и мне что-нибудь из красивой ткани сошьют. Вещевой аттестат, продовольственный. Что такое, финансового нет! Наверно, еще не решили, сколько мне будут платить, ну да ладно. А что тут на дне коробочки? Новенький студенческий билет. Ух ты, теперь я учусь в институте по подготовке дипломатических и консульских работников. Знать бы еще, где он находится.

Та-ак, а почему это у меня во всех документах лицо такое красивое? Я вчера, когда фотографировалась, была как выжатый лимон. Чего-то спецы с моей карточкой наколдовали, не иначе.

Все, документы закончились, теперь откроем вторую коробочку. Здесь оружие, и даже не одно. Наган с кобурой, и еще ТК для скрытого ношения. Такой я уже видела у наших врачей – он небольшой и очень легкий. Интересно, а меня с ними случайно не арестуют, что там в командирских удостоверениях написано? Ага, пистолеты в документы вписать не забыли. Ну все, с «подарками» разобрались, а теперь за работу. Только позвоню, чтобы в пять часов меня ждала машина, вместо обеда поеду в наркомат. А хорошо все-таки иметь такие привилегии! Никакой беготни по чиновникам, заполнения анкет, подписывания документов. Раз, и принесли все на блюдечке.

День опять пролетел незаметно, но мне опять напомнили о времени. А у водителя, интересно, обед когда? Он же из-за меня голодным останется. Усевшись по-начальственному на заднее сиденье, причем шофер мне даже дверцу открыл, я скомандовала:

– На Кузнецкий мост. – И только отъезжая, вспомнила, что не сдала ключи. Ох и влетит же мне, наверно.

При входе в наркомат дежурный окинул меня подозрительным взглядом, разве что к оружию не потянулся, но увидев синюю книжку, служившую заодно и пропуском, тут же сделался приветливым. Едва я зашла, как из секретариата сразу примчался сопровождающий, чтобы показать дорогу. И очень кстати, иначе я могла заблудиться. Здание было просто огромным, оно фактически состояло из десятка домов, слепленных друг с другом. Здесь даже имелось два внутренних двора, и еще третий, открытый с одной стороны.

Ох, как будто попала в другой мир. У нас на улице зима, а тут попадаются сотрудники загорелые настолько, что, наверно, недавно на экваторе были. Другие, наоборот, только собираются туда отправиться, вон сачки для ловли бабочек тащат. Иностранцев много – китайцы, смуглые испанцы, креолы, мулаты. Кто они такие, сотрудники ли иностранных посольств,

иммигранты или наши агенты, я даже не представляю. Хотя, к примеру, из Испании после тамошней войны к нам много народа приехало.

Конечно, к портному меня сразу не пустили, а отправили сначала в отдел кадров, где уже давно горели желанием увидеть нового сотрудника. Зря я все-таки радовалась своей исключительности и размышляла, что бумажной волокитой заниматься не придется. Поплутав по многочисленным коридорам наркомата и подписав штук двадцать бумажек, я все-таки через полчаса вырвалась отсюда, но сразу же попала в цепкие руки деканата дипинститута. Хотя меня и зачислили сразу на третий курс, но мне еще требовалось досдать уйму экзаменов, причем до лета. Хорошо еще, что часть предметов мне перезачли, все-таки не зря в ИФЛИ училась.

Только разобравшись со всеми бюрократами, я вприпрыжку и с приподнятым настроением побежала в пошивочную мастерскую, опасаясь, что портной уйдет домой. Но товарищ Журавский, как мне его представили, работал, как и все, допоздна, сразу принял меня без возражений. Но только я набрала побольше воздуха, чтобы озвучить свой потрясающий заказ, как он меня буквально убил своей новостью:

– Вам, товарищ Жмыхова, на работу следует ходить исключительно в военной форме.

Пытаясь спасти ситуацию, я что-то пролепетала про заграничные командировки, но портной только сочувственно покачал головой и добил меня короткой фразой:

– Распоряжение наркома.

Ну вот зачем работать в наркомате иностранных дел, если даже нарядиться нельзя? Настроение было испорчено, казалось, надолго. Однако стоило мне вернуться к своим любимым документам, как душа снова запела. Все сведения были мной классифицированы, отсортированы и записаны в картотеку. Как оказалось, ознакомление было закончено вовремя, так как на следующий день Молотов уже дал мне первое задание, щедро отведя шесть часов на его выполнение. Вопросик для начинающего сотрудника был непростым – как могут развиваться события во Франции и Северной Африке в ближайшие годы.

Документов и телеграмм на эту тему у меня просто гора, печку топить можно. Но все равно этого мало, так что я опять затребовала автомобиль. Машина уже была готова и стояла под парами, так что через три минуты я уже мчалась к Саше, заодно радуясь поводу встретиться с ним снова. Вчера же вернулась домой за полночь, на свидание времени не хватило.

К попаданцу сначала пришлось отстоять очередь, так как майор Куликов пришел первым. Ну, мне теперь все можно знать, и, пристроившись в уголочке, я терпеливо ждала, пока они обсуждали какие-то секретные железки. Проблема, видимо, была серьезная. На последнем заседании ГКО Маленков высказался против производства какого-то «плохо форсированного воздушника», а без него и новые истребители выпускать в серию нельзя. О каком самолете идет речь, я толком не поняла. Вроде устраивался большой конкурс, отправляли на фронт машины с таинственными названиями ГО и ГУ, там боевые летчики на них смотрели и выбирали лучшие. А выбрали в конце концов самый обычный ЛаГГ.

По этому поводу Саша рассказал забавную историю про нового русского. Этот загадочный тип, выбирая себе невесту, раздал трем девушкам деньги, посмотрел, на что они их потратили, а женился в конце концов на той, у которой самые большие... э-э... ну ясно что. Куликов посмеялся, но возразил, что все же были получены отличные наработки, рассмотрены варианты установки двигателя и размещения оружия. А что МиГ-9 жалко, то у него шансов почти и не было. Тем более летчики сейчас пошли неопытные, что для «мига» совершенно неприемлемо, и вот однажды даже такой случай был... Так, они тут анекдоты рассказывают, а меня дела ждут. И еще нарком.

А молодцы мужчины, сразу намек поняли. Куликов помчался форсировать свой АШ-какие-то-цифры, а Саша, обхватив голову руками, начал вспоминать про Францию и Магриб. Ничего, вспомнил. Хотя сначала, когда он заявил, что Францией правит генерал Виши, я чуть в обморок не упала. Но оказалось, что он так шутит.

Записав все, что хотела, чмокнула жениха в щечку, на большее пока не решилась, и скорее на работу. Хорошо все-таки с машиной, десять минут и на месте, можно продолжать писанину. Ох ты, пока меня не было, принесли новенькую форму. Бедный портной, видимо, всю ночь работал. Жаль, некогда ее рассматривать, надо спешить.

Ну все, в срок уложилась, можно докладывать о выполнении. Вот незадача, прямой телефон к Молотову мне не провели, приходится сначала звонить секретарю. Впрочем, чего я хотела, отрывать наркома от важных дел?

Наконец-то ответный звонок, голос Вячеслава Михайловича я сразу узнала, но, не дав мне сказать ни слова, он коротко бросил:

– Бери свою сводку и бегом к товарищу Сталину.

Вот это да! Позавчера к Берии, сегодня к Сталину, что же завтра будет? Второпях я вскочила, сунула листки в планшет, потом передумала, вытащила и переложила в красивую кожаную папку. Так, а форма? Надо бы надеть парадный китель, но он помялся, ведь повесить мне его некуда. Ладно, сойдет и мятый. Теперь оружие, без него мне ходить запрещено. Ой, а что это я пойду на совещание с револьвером на боку, так не годится. Наган вытащила, а в папку засунула ТК. Нет, тоже не ахти. Представила себе, как на совещании открываю перед Сталиным папку, а там лежит пистолет, и меня передернуло. А, ладно, что со мной в Кремле случится, пойду безоружной.

Наконец собралась и действительно помчалась бегом, остановившись только у дежурного охранника. Он едва взглянул на пропуск и разрешил пройти в секретариат. Не сразу, но нашла, куда мне нужно идти. Сидевший за столом в приемной невысокий человек с блестящей лысиной, писавший что-то в обычную тетрадку, на меня внимания не обратил. Заглянув в таинственную тетрадь, а работа учителем предполагает умение читать текст вверх ногами, я ужаснулась. Шапошников, Меркулов, Берия, Мехлис, Вышинский, Молотов – ого, полный состав. Еще какой-то Панфилов, не знаю такого. Вернее, знаю одного, командующего 316-й дивизией, но он героически погиб под Вязьмой еще в ноябре.

Услышав мою фамилию, секретарь внимательно всмотрелся мне в лицо, но документы не попросил и разрешил входить. Ну, вперед. Ох, тут еще не зал заседаний, здесь охранник сидит. А вот следующая дверь ведет уже к Нему. Людей много, но почему-то не накурено, и похоже, что совещаться не начали. Меня, что ли, ждали? Кто-то стоит у карты, занимающей всю стену, остальные рассматривают бумаги на столе или разговаривают друг с другом.

– Смотрите, Аня, – неожиданно прошептал у меня за спиной Куликов, заставив вздрогнуть. Откуда он появился, прямо настоящий человек-невидимка. А, его за графином с водой послали, как младшего по званию, вот он и вышел из одной из дверей. – Второй слева – это генерал Панфилов Алексей Павлович, начальник главного разведуправления, и он о наших делах не информирован. Вышинский, кстати, тоже.

Проигнорировав мое возмущение, майор в двух словах объяснил, в чем тут дело. С одной стороны, попаданец не помнит, чтобы разведупр возглавлял некий Панфилов. Зато Саша припоминает, что генерал с такой фамилией командовал танковыми армиями. Следовательно, Алексей Павлович на посту главного разведчика ничем не отличился, и его снова направили работать по специальности. Но с другой стороны, пока что его заменить нечем – ведь он был замом предыдущего начальника и лучше всех осведомлен о текущих делах. Вот и выходит, что Панфилова держат на должности, но полностью не доверяют. Ну а Вышинскому скормили байку про хитроумную жену отважного разведчика.

Показав, где мне присесть, майор госбезопасности устроился рядом, и, наклонившись к столу, мы начали изучать содержимое моей папочки. Никто не был удивлен появлением военфельдшера, как будто так всегда было заведено. Только сдержанно кивнули мне и продолжили свои занятия. Лишь начальник разведки, которому вроде бы по должности положено знать всё,

смотрел на меня с нескрываемым изумлением. А уж когда я развернула на столе свою карту с многочисленными пометками, он вообще оторопел.

Меня, между прочим, тоже не обрадовало, что в нашем тесном кругу затесался непосвященный. Теперь из-за него мы не сможем говорить открыто, придется прибегать к полунамекам и иносказаниям. Вот только эзопова языка мне не хватало! Недовольно отведя от генерала взгляд, я успела заметить, как товарищи Сталин и Берия следят за нашей молчаливой перепалкой. Вот хитрые, тоже мне цирк нашли, а мне теперь надо на ходу свой доклад переделать, чтобы случайно не проговориться. Ох, не так я представляла себе встречу с Вождем.

Впрочем, он тоже немного озадачен тем, что к нему относятся без должного пиетета. Вместо того чтобы восторженно взирать на вождя, закатывая глаза и млея от восторга, сразу уткнулась в бумаги. Но я же историк! В истории было много великих людей. Например, Цезарь. Нет, это сравнение не подходит, Гай Гаевич был прирожденным полководцем. А вот Август и отчасти Петр Великий как раз личности сравнимые по своим делам со Сталиным. Но я же не собираюсь восхищенно ахать перед статуями этих людей, так почему мне же нужно умиляться встрече с нынешним председателем СНК, секретарем ЦК и прочее?

Наконец все уселись за стол, кроме Верховного, расхаживающего по залу, и Шапошников, коротко меня представив, попросил повторить донесение для вновь вошедших. Недовольно сверкнув на меня глазами, Панфилов тем не менее послушно доложил:

– По сообщению нашего агента Брайтенбаха, Гитлер намерен завтра выехать на переговоры с Петэном. Встреча произойдет в Сен-Флорантен-Вержиньи, маленьком городке к северу от Парижа. О содержимом беседы ничего не известно. Это всё.

Ну вот, теперь все встало на свои места, и можно высказать свои мысли. Только сначала надо взять инициативу в свои руки, чтобы начальник разведупра не мешал. Представив себе, что передо мной нерадивый школьник, я с видом строгой учительницы спросила генерала, уверен ли он в своем источнике. Тот нахмурился, еще бы, какая-то пигалица его допрашивает, но ответил спокойно:

– Для товарища Жмыховой поясню, что источник очень надежный, и информация, которую передает агент Брайтенбах, всегда подтверждается.

Заметив мой скепсис, Берия наклонился и тихо шепнул:

– Брайтенбах – это начальник германской контрразведки Вилли Леман.

Слов нет, с каких это пор вражеская контрразведка поставляет нам надежные сведения? Видимо, глаза у меня стали по пять копеек, и Лаврентий Павлович поспешил пояснить:

– Аня, за него поручился сам Майлмэн.

– Так бы сразу и сказали, с этого надо было начинать. – Услышав этот псевдоним, я не выдержала и заулыбалась шутке госбезопасности. Из записей я уже знала, что поскольку Саша появился в нашем времени в кольчуге, то ему дали кодовое имя «Mailman». Но в английском языке это слово еще означает «почтальон», что в применении к попаданцу звучит очень точно, ведь он принес нам сведения.

Увидев, как я смеюсь ему прямо в лицо, а наверно, это так и выглядело со стороны, Панфилов занервничал и вежливо поинтересовался, на каком факультете мединститута обучают таких, кхм, специалистов?

Честность никогда не мешает, если, конечно, ответ тщательно продуман. Так что, невинно похлопав глазками, я с безмятежным видом пояснила:

– Да не училась я никогда в медицинском, это мне звание военфельдшера для конспирации присвоили.

На лице главного разведчика было просто написано «Я так и знал», но вслух он больше ничего не сказал.

Следующим из выступающих оказалась я, с докладом о политике Германии в отношении Франции и ее африканских колоний. Ну что же, материал у меня готов, и теперь я его спо-

койно перескажу. Надо только представить себе, что стою в аудитории. Ничего страшного, это не диплом и даже не экзамен, а всего-навсего реферат. А что его будет слушать не старший преподаватель, и даже не декан, а маршалы с наркомками, и даже кое-кто повыше, то особой разницы нет.

– Итак, по предварительному плану, разработанному Германией еще до войны, предполагалось после разгрома Советского Союза осуществить ряд операций на Средиземном море. Сначала планировалось провести несколько дивизий через североафриканские французские колонии в испанскую зону Марокко. Одновременно с помощью Франко наносится удар по британской базе в Гибралтаре. Данная операция получила название «Феликс». После ее успешного завершения уже легко можно захватить Египет, овладеть Суэцким каналом и с трех сторон вторгнуться на Ближний Восток: из Палестины, с территории Болгарии через Турцию и со стороны Закавказья на юг. Таким образом, в короткие сроки предполагалось овладеть нефтеносными районами Ирака.

– Простите, уважаемая, – опять этот несносный начальник разведупра, – но разве согласия самой Турции при этом не требуется?

– В случае ее отказа немецкие войска, сосредоточенные в Болгарии, будут использованы также и для оккупации Турции. Соответствующая директива была подготовлена. Как видим, товарищи, если бы Гитлер не напал на нас, а бросил все войска против Британии, то сейчас они бы уже маршировали по Афганистану в сторону Индии. В этом случае Британская империя обречена на гибель. Ну а через год Германия напала бы на нас не только с запада, но и с юга, и ситуация стал бы критической.

Ага, задумались. Конечно, им и в голову не приходило поинтересоваться несбывшимися вариантами. Впрочем, это интересно только историкам, и никакой практической ценности данное знание не представляет. Так что продолжим.

– Что касается материковой части Франции, то намерения Гитлера на этот счет совершенно однозначны – ее рано или поздно все равно оккупируют. Соответствующий план, весьма символично названный фашистскими варварами «Аттила», разработан еще в сороковом году. Вопрос только в том, когда его осуществят. Сначала предполагалось, что оккупацию южной части Франции проведут после победы над нашей страной и завоевания Ближнего Востока, но теперь с этим придется повременить. Операцию начнут лишь в том случае, когда угроза высадки союзников во французском Средиземноморье станет реальной.

– Как поведут себя при этом вишистские войска? – Отвлеклась, не заметила, кто это спросил.

– Сопротивляться они особого смысла не видят, ввиду неравенства сил, поэтому все ограничится вялыми протестами. Но вот оставшиеся военные корабли французы постараются затопить.

– Сколько времени понадобится германской армии для захвата южной зоны оккупации? – тихо спросил еще кто-то, видимо Шапошников. Выглядел он неважно, наверно, сильно болеет. Услышав его вопрос, начальник разведупра заерзал на стуле. Он все больше приходил в негодование, не понимая, почему с подобными вопросами обращаются не к нему, а к выпускникам детсада.

– Учитывая полную боеготовность германских частей и отсутствие сопротивления, достаточно пары дней с момента получения приказа. Впрочем, для окончательной оккупации страны Гитлеру вовсе не нужно лично встречаться со своей марионеткой, а значит, речь пойдет не о самой Франции, а скорее, о ее африканских колониях. Как известно, французские войска в Северной Африке немногочисленны и никакого сопротивления немцам оказать не смогут. Но для Гитлера желательно провести оккупацию с формального согласия Петэна, иначе все французские колонии немедленно встанут на сторону де Голля.

– Существует ли вероятность пропуска германских войск через территорию Испании к Гибралтару? – снова превозмогая боль, едва слышно произнес Шапошников.

– Исчезающе малая. Пока СССР успешно противостоит Германии, Франко не захочет начинать с Англией войну, а Гитлер не решится на оккупацию своего несговорчивого союзника. Как вы знаете, испанцам есть чего опасаться. Британия без труда может блокировать поставки продовольствия из Аргентины, захватить Канарские острова, обстреливать побережье Испании и доставить еще кучу неприятностей. Единственной причиной для вступления Франко в войну может послужить передача ему французских колоний, а именно части Алжира, Марокко и Мавритании. Но понятно, что *пока* это невозможно. Уступить их Петэн готов, лишь получив компенсацию за счет британских владений, но до них фашистам пока как до Луны.

– Товарищ лейтенант, – вот вреднучий генерал, когда же он к своим танкам вернется, – удастся ли немцам остановить англичан в Ливии?

Вопрос архисложный. До сих пор Гитлер легкомысленно не уделял этому направлению должного внимания, выделяя Роммелю совершенно незначительные силы. Но он может все-таки перебросить этой зимой подкрепления, и англичан снова потеснят.

– Весьма вероятно, следует ожидать отправки в Ливию некоторой помощи механизированными войсками и самолетами, переброшенными из Западной Европы. Даже небольшое усиление немецкой авиации в регионе сведет к минимуму потери германского и итальянского флотов и позволит наладить снабжение экспедиционных войск. Тогда германские сухопутные силы снова смогут вернуться в Египет. Но все-таки это направление для немцев сейчас не главное. Итак, если больше нет вопросов, я продолжу. Из-за неожиданно упорного сопротивления нашей страны все планы Гитлера пошли прахом, и выделить сколько-нибудь значимые силы в Средиземноморье он не может. Поэтому самый простой путь для изменения ситуации в регионе в свою пользу, впрочем, он же и единственный, это заблокировать Гибралтарский пролив с юга. Сначала немцы с разрешения Петэна закрепятся в Северо-западной Африке, а затем займут полосу испанского Марокко и построят там свои аэродромы и батареи. Согласие или несогласие Франко при этом значения иметь не будет. Ширина Гибралтара в самой узкой части всего четырнадцать километров, так что, разместив дальнобойные орудия на его южном берегу, можно даже в нелетную погоду держать пролив под контролем. Таким образом, очень скоро он будет фактически заблокирован для англичан. Закрытие Средиземноморья с запада вынудит их покинуть Мальту, ведь снабжать ее гарнизон будет чрезвычайно сложно. Использование Средиземного моря союзниками для транспортных целей крайне затруднится, потому что они потеряют над ним контроль. А вот коммуникации фашистов, наоборот, станут безопасными. Падение Египта после этого практически неизбежно.

Панфилов, вдруг ставший очень серьезным, похоже, шутки закончились, согласно покинул мне:

– Да, от одной маленькой мароккской провинции, имеющей стратегическое значение, теперь зависит ход войны. Как она, кстати, называется?

Вот хитрюга, а я уж было поверила, что он перестал на меня дуться. И что теперь делать? Все на меня смотрят, ожидая, что я отвечу, но вот хоть убей, никогда не отважусь произнести это вслух. Надо же было арабам умудриться назвать стратегически важную провинцию таким словом – Ye-bala. Выручил меня Куликов, быстро нашедший на карте нужное место и, почти не скрывая улыбки, прочитавший вслух название территории:

– Убала.

Сталин, на секунду остановившись, тоже посмотрел, но ему было не до смеха. Он продолжал размеренно вышагивать от одной стены к другой, о чем-то напряженно размышляя. Неожиданно остановившись за спиной у Молотова, Верховный спросил, ни к кому конкретно не обращаясь и нарочито медленно растягивая слова, наверно, пытаясь скрыть волнение:

– Возможно, и не стоит доводить до сведения Черчилля. Немцы и так снимают со Средиземного моря все, что можно, для Восточного фронта. Они уже эвакуировали аэродромы, служащие для охраны итало-германских конвоев. А тут, если англичане не помешают, то хотя бы три-четыре дивизии и сотню самолетов отправит в Африку. – Так как никто не спешил с ответом, то Сталин уточнил персонально у наркоминдела: – Прав я, Вячеслав?

– Думаю, нет. Ведь тогда соотношение сил на Ближнем Востоке изменится к худшему, и появится угроза выхода немцев к нашему Кавказу. Отношения с Турцией в этом случае тоже осложнятся. К тому же полагаю, что если англичане высадятся в Африке, Гитлер все равно не откажется от своих планов касательно Магриба и начнет переброску войск.

Умом понимая, что нарком скорее всего прав, я вся похолодела, недоумеваю, как это можно спорить с Самим. Но ничего страшного не произошло, и, не изменив выражения лица, товарищ Сталин согласно кивнул, продолжая посасывать свою трубочку.

– Хорошо, подготовьте послание союзникам, но без указания источника этого сообщения. Но все же мне непонятны причины нерешительности Черчилля. Он же полностью осознает всю опасность и понимает необходимость быстрого действия. Пусть раньше Британия сражалась с врагом в одиночку и старалась не спровоцировать Францию, конечно, если не считать уничтожения французского флота в операции «Катапульта», провальную дакарскую авантюру и недавний захват Сирии. Но сейчас у нее есть надежные союзники в нашем лице, и Англия может действовать активнее. Почему же операция высадки в Африке планируется лишь через год, разве этот вопрос не является аксиоматическим? – Ого, вот это словечко вернул. – Войск и вооружения для этого достаточно. Вы, товарищ Жмыхова, можете объяснить, почему англичане до сих пор не заняли Алжир и Марокко?

– Да, я выяснила подробности. На самом деле союзники сейчас как раз и собираются это сделать. Серьезный десант в Северной Африке – первое, что они начали обсуждать после объявления Гитлером войны США. Но если начнется зимнее контрнаступление Роммеля, то оно заставит отложить все наступательные планы англичан.

– Итак, с союзниками понятно, они все же собираются перейти от разговоров к делу, а встреча Гитлера и Петэна внесет новый элемент в общую ситуацию. Но вот почему Гитлер до сих пор пренебрегал Марокко, отчего его оккупация не произошла *раньше*?

– Во-первых, Германии не хватало свободных войск, – бодро отрапортовал Панфилов, вскочив на ноги. – Второе, Рузвельт предупреждал, что посягательство на французские колонии в Африке будет рассматриваться как прямая угроза Америке. В ответ на подобные действия США немедленно пошлют отряд военных кораблей. В-третьих, Рузвельт обещал Франции, что сотрудничество с Германией приведет к потере всех ее заморских владений после войны. Ну а без контроля прилегающих территорий удержать узкую полосу испанского Марокко просто невозможно.

– Все это правильно, но не верно, – снова ринулась я в полемику со своим оппонентом. – До сих пор Гитлер слепо верил докладам своих генералов, которые, по их словам, уже трижды уничтожали все наши войска. Поэтому он ждал окончания восточной кампании, чтобы уже потом спокойно разделаться с англичанами. Но теперь даже слепому стало ясно, что разгрома СССР не предвидится, а значит, надо попытаться взять реванш на другом направлении, чтобы ослабить одного из противников.

– Хорошо, – согласно кивнул Сталин, глядя на меня, – но ведь на Марокко фашисты не остановятся.

Не успела я рот открыть, как Панфилов снова меня опередил:

– Выгнав англичан из Средиземноморья, немцы без помех займут всю Западную Африку. Франция уже приступила к строительству Транссахарской железной дороги, которая должна будет соединить Алжир и Сенегал. Это позволит вывозить из Западной Африки рис и хлопок для нужд Германии. – Ох, ну чего он лезет, не его же спрашивают.

Выслушав генерала, Верховный опять обратился ко мне:

– Ну а вы, товарищ младший лейтенант госбезопасности, что думаете?

Быстро меня в звании повысили, надо отрабатывать. Но у меня уже все готово, и, разложив с важным видом карту Атлантики, где уже были отмечены все французские опорные пункты на западном побережье Африки, я снова начала пророчествовать:

– Превратив даккарский порт в свою базу, Германия создает угрозу для движения кораблей в Южной Атлантике. Действуя отсюда, немецкие флот и авиация перекроют караванные пути и прервут атлантические коммуникации, окончательно отрезав Британию от своих колоний. Хозяин Дакара сможет оказывать давление на Бразилию и всю Латинскую Америку, а в перспективе и на США.

– Товарищ Жмыхова, – это опять Шапошников, – как вы считаете, с Франко Гитлер тоже будет встречаться?

– Не думаю, ведь добровольное предоставление Испанией своей территории для базирования авиации вызовет предсказуемую реакцию и означает фактическое объявление войны Англии. Поэтому оккупация Северного Марокко, скорее всего, произойдет полуофициально. – Даже не ожидала от себя такого бойкого ответа, молодец я. Однако триумф мой был тут же испорчен Сталиным, нашедшим серьезное возражение.

– Не обязательно, мы же разрешим американцам садиться на наших аэродромах без риска начать войну с Японией. – Ух ты, а откуда он это знает? В смысле сейчас да, послезнание помогло, но в *той истории* мы это как-то просчитали и знали наверняка. – Но тут я с вами согласен.

На этом вопросы закончились, и, забрав мои карты, Сталин поизучал их несколько минут вместе с маршалом. Ничего неизвестного для них там не было, но просто раньше над подобной перспективой особо не задумывались. Все это время я молча наслаждалась ситуацией, мысленно рисуя картину «Аня Жмыхова пишет учебник истории будущего и вручает его товарищу Сталину». Но все хорошее рано или поздно кончается, и, увы, Сталин перешел к следующей теме:

– Товарищ Молотов, какие у вас новости по иранскому вопросу?

– Есть обнадеживающие сведения. Шах утверждает, что у него имелось не больше тысячи тяжелых пулеметов, да и те порастерялись. Однако наш посол сообщил о наличии в Иране восьми тысяч «максимов».

– Их надо найти. А что со строительством пулеметного завода?

– Оборудование и инструменты англичане пообещали вернуть. Еще часть станков и материалы будут доставлены нашей стороной. Что же касается вопроса прочего иранского вооружения, то англичане предложили компромисс, который удовлетворит обе стороны. Они возьмут себе все самолеты и танки, а мы легкое вооружение.

– По оплате пришли к договоренности?

– Половину оплатим Ирану наличными, а остальные пятьдесят процентов по окончании войны.

– Так-так, – задумчиво протянул Сталин, пытаясь по привычке выбить трубку, которая почему-то была пустой. Даже знаю почему, в газетах писали о борьбе с курением, в которой Верховный сам подавал пример.

– Теперь нужно окончательно определиться, что делать с польской армией. К нам через два дня прилетает Сикорский, будет просить увеличить свое воинство до ста тысяч человек.

– Это не трудно, – поспешно отозвался генерал Панфилов. – Значительных проблем при формировании армии нет, и призывного контингента среди бывших граждан Польши вполне достаточно.

– Хорошо, если так. Кто еще хочет высказаться?

Не думая о последствиях, впрочем, честно говоря, подумала, но уже было поздно, я выпалила:

– Гнать их поганой метлой, раз не хотят воевать. Нечего кормить дармоедов, пусть все отправляются в Иран к своим союзничкам, и те уже сами с ними цацкаются. Останется тысяча десять, и ладно. А то им провиант и вооружение подавай, дома строй, а они только и знают, что сидеть на пятой точке и песни о своих мифических подвигах сочинять. – Эх, опозорила я свое дипломатическое ведомство. Разве же девушка должна так выражаться!

– Антисоветские настроения в армии Андерса довольны сильные, – тут же поддержал меня Берия. – Хотя наиболее нежелательные элементы были отсеяны еще при формировании, но там по-хорошему отсеивать нужно большинство. Не хотят они воевать вместе с нами, и я полагаю, что все усилия в этом направлении будут безуспешными.

Панфилов, выслушивая критику, все больше мрачнел и гневно сжимал побагровевшими руками кожаную папку. Было видно, что он с трудом удерживался от того, чтобы немедленно не вступить с нами в рукопашную схватку. Наконец сформулировав возражение, он резким тоном напомнил о недопустимости нарушения заключенных соглашений. А лично мне генерал объяснил, что пока я не окончу школу и не вступлю в комсомол, в политику мне лезть не следует. Про школу это, безусловно, комплимент, что я так юно выгляжу. А комсомольский значок у меня действительно остался на гимнастерке, тут моя вина. Между тем наркомвнудел в долгу не остался и наизусть процитировал высказывания некоторых польских офицеров, добавив, что таких антисоветчиков там две трети.

Товарищ Сталин нахмурившись смотрел на перепалку, пока все не замолчали, и наконец перевел взгляд на Молотова. Тот понял вопрос без слов и, не высказывая эмоций, спокойно, будто на дипломатических переговорах, ответил сухой казенной фразой:

– Английское правительство будет полностью удовлетворено, заполучив несколько дивизий. Так что выдворение польской армии в Иран не повлечет осложнений.

– Армия называется, – недовольно буркнул Верховный. – Продолжать дальше формирование такой армии смысла нет. Обойдемся и без них, так что...

– Пусть идут ко всем чертям – подхватил Молотов, понимавший Кобу с полуслова. А ведь может ругаться, когда захочет.

– Скажи, Вячеслав, в связи с наметившимся серьезным поражением немцев англичане не пересмотрят свою позицию?

И опять Вячеслав Михайлович мгновенно догадался, о чем его спрашивают, и ответил без запинки:

– Посылка английских войск на восточный фронт не осуществится в любом случае. Союзники готовы прислать войска на территорию СССР, но только на Кавказ, подальше от войны.

Пожав плечами, мол, кто бы сомневался, Сталин повернулся спиной и прошелся по кабинету. Интересно, он вообще когда-нибудь сидит? Пользуясь паузой, к наркому обратился Шапошников со своим вопросом:

– Товарищ Молотов, с начала войны около полутора миллиона наших бойцов попали в плен. Возможно, половина из них еще живы. Понятно, что после систематического нарушения Гитлером всех международных договоров ему верить нельзя, и соблюдение Гагской конвенции здесь не исключение. Но в итоге нашего наступления мы можем получить большое число плененных немецких солдат. Как вы полагаете, сможет ли это изменить отношение фашистов к военнопленным?

Молотов помрачнел и, немного подумав, медленно ответил:

– С начала войны наше правительство уже несколько раз направляло Германии ноту³ с заявлением о выполнении принципов Гаагской конвенции по отношению к германским военнопленным. Мы также извещали Международный комитет Красного Креста о готовности осуществлять обмен списками военнопленных. Последний раз подобную ноту мы отправили 25 ноября, заодно разослав послание всем странам, с которыми СССР имеет дипотношения. Однако руководство Германии оставило все наши обращения без внимания. – Похоже, все это маршал прекрасно знал и хотел услышать прогноз на будущее. – Сейчас трудно предвидеть конкретную ситуацию, как она сложится, но полагаю, что до конца войны очень больших изменений не будет.

Совещались, наверно, часа два, так что когда мы стали выходить, голова у меня кружилась, и я плелась обратно, держась поближе к стене, чтобы не упасть. Но странно, когда вернулась в свой кабинет и бросила взгляд на часы, то увидела, что прошло всего минут тридцать. Это они машину времени включали, чтобы больше дел успеть сделать, или же просто я такая впечатлительная? Если рассуждать логически, то скорее второе. Да уж, лучше две смены в госпитале отработать, чем в кабинете Верховного на мягком стуле полчаса отсидеть.

³ Через нейтральные страны.

Глава 3

о. Оаху, Гавайи

– Вот так вот и выполняй свою работу слишком хорошо, – сокрушенно вздохнул сержант Вэнс, узнав о новом назначении. Последнюю неделю он добросовестно натаскивал новобранцев своего полка, причем делал это настолько старательно, что был замечен командованием. И ведь уже не в первый раз Тиму приходилось нечаянно нарушать древнюю солдатскую заповедь «не попадайся на глаза начальству». Теперь, в наказание за свое головоунытие, он был направлен тренером в новое подразделение, спешно формируемое из добровольцев. Впрочем, не он один. Из его роты выбрали еще трех человек, причем близких товарищей Вэнса, справедливо считая, что слаженный коллектив принесет больше пользы. Однако, несмотря на логичность и обоснованность такого решения, перевод в другую часть друзья встретили с унынием. Только два месяца назад их перебросили из 24-й дивизии во вновь созданную 25-ю, и вот опять новое назначение.

Опасаясь высадки японского десанта, на Гавайях решили сформировать еще одно пехотное соединение для обороны островов. В новорожденной дивизии, еще не получившей номера, имелось пока только два небольших отряда, гордо именуемых батальонами. Один из них базировался в роцце недалеко от Шофилдских казарм, а другой в учебном центре Похакулоа на Большом острове. Набраны они были из местных жителей возрастом от восемнадцати до сорока пяти лет, изъявивших желание пойти в ополчение, а на вооружении имелись лишь винтовки. Предполагалось, что большую часть личного состава и все тяжелое оружие привезут с континента, но пока приходилось довольствоваться тем, что было под рукой.

Новобранцы, с которыми пришлось служить сержанту, пылали рвением воевать, а Тим, в свою очередь, горел желанием оказаться во время боя как можно дальше от новоиспеченных вояк. Даже Гарри Симэн, окончивший обучение и получивший звание рядового лишь месяц назад, казался по сравнению с ними образцовым солдатом. Добровольцы, еще не успевшие сменить гражданскую одежду на военную форму, не то что строем шагать не умели, а даже не могли правильно приветствовать своего командира. Их бы еще учить и учить, но надеяться, что японцы окажут любезность и дадут хотя бы месяц отсрочки, не приходится.

Под стать рекрутам были и наставники. Понятно, что взять из ниоткуда столько сержантов и капралов разом было невозможно, и, как обычно во время войны, прошло массовое повышение в званиях. Получив свои сержантские нашивки лишь неделю назад, Вэнс уже без преувеличения считался ветераном. У прочих же сержантов и капралов шевроны на рукавах были пока просто приколоты булавками и грозили отвалиться в любой момент. Билл свой шеврон уже успел разок потерять, но стараниями своих усердных подчиненных, облазивших все заросли в округе, все-таки вернул пропажу.

Новая дивизия, куда должен войти их батальон, находилась еще в зачаточном состоянии, и своей эмблемой пока не обзавелась. Поэтому весь командный состав продолжал щеголять своими старыми значками – листиками таро, являющимися заодно символом Гавайев, или электрическими клубничками, как у Вэнса и его несчастных товарищей, не перестававших грустить. В другое время новые звания вызвали бы восторги, но перспектива идти в бой вместе с молокососами никого не прельщала. Впрочем, жизнерадостный Билл уже подсчитал, на что он потратит лишнюю десятку, положенную за капрала и должность инструктора, и воспрянул духом.

Приняв под свое командование учебный взвод – полсотни парней, в которых гражданских можно было узнать даже не глядя – по нестройному топоту, которым сопровождалась

все их перемещения, Тим взялся за дело всерьез. Он сразу решил выжать из бойцов все соки, чтобы слабые отсеялись, а оставшиеся превратились в машину для убийства. Но из ополченцев не ушел ни один. Они пришли сражаться и без малейших нареканий терпели все неудобства, понимая, что это лишь тренировка, чтобы закалить их и сделать сильнее. Новобранцев не могли сломить ни однообразная пища, ни суровые условия, хотя у некоторых в палатках даже не было деревянного пола, ни отсутствие увольнительных. Конечно, вечером после ужина никому не возбранялось отправиться в ближайшую деревушку, где можно было найти кое-какие развлечения. Но к концу дня у ребят не оставалось сил не то что на прогулку, но даже на то, чтобы открыть пиво. Они так и засыпали, держа в руках банки и бутылки.

После недели изнурительных тренировок новобранцам устроили день отдыха, но лишь для того, чтобы вколоть каждому уйму прививок. Получив лошадиную дозу уколов, ополченцы лежали на траве, витиеватыми выражениями описывая свои ощущения, или, склонившись к земле, издавали немелодичные звуки. Именно в таком неприглядном виде их и застал бывший командир Вэнса капитан Коди, как бы случайно заехавший в гости к своим подчиненным. Бросив взгляд на палатки, стоявшие не ровными рядами, как в мирное время, а вразброс, он одобритительно кивнул – сержант как всегда на высоте. Но когда капитан перевел взгляд на новобранцев, его лицо печально вытянулось.

– Как тебе они? – со вздохом спросил он Вэнса, протягивая ему пачку сигарет.

– Лучше, чем я ожидал, сэр. Стрелять из винтовки могут, и даже неплохо, но вот пулемет им доверять пока рано. Штыком тоже работать не умеют. Им еще хотя бы месяц тренировок...

– Ни месяца, ни недели у тебя не будет. – Незаметно оглянувшись по сторонам, Коди наклонился к самому уху сержанта и тихо спросил: – Из них можно выбрать хоть одного, с которым не страшно пойти в бой?

Вэнс ответил не задумываясь, своих подопечных он уже успел достаточно изучить:

– Есть пара прирожденных снайперов, сэр, стреляют не хуже индейцев. Еще найдутся три-четыре молодца, способных понимать некоторые команды, правда, из винтовки они на милю промахиваются. Механик есть из автомастерской, он с любым устройством на ты. Староват, правда, но вынослив.

Щелчком отбросив сигарету, капитан взглянул на эмблему полка на плече сержанта.

– Сохранил? Молодец. Собирай всех наших, прихвати лучших ребят из этих ковбоев, составь список и бегом к штабу. Там я уже обо всем договорился. Оружие, кстати, у всех новое?

– Конечно, сам на складе получал.

– Отлично. Впишешь номера винтовок и отдашь нашему ротному клерку, пусть за меня все подпишет, а я к генералу.

– Чего уж там, капитан, – хищно оскалился Вэнс, поняв, что настало время отомстить за убитых японцами детей, – договаривай.

– Нас ждет работенка, Тимоти, и генерал Муррей добился разрешения пополнить батальон толковыми парнями. Вот так-то, сержант, кончились мирные дни.

То, что последние две недели были не слишком-то мирными, Вэнс напоминать не стал, его больше беспокоила другая проблема:

– Сэр, разумеется, никто из наших не откажется, но парни уже успели привыкнуть к новым...

– Не беспокойся, сержант, ни у кого капральские нашивки не отнимут, у нас все равно до полного штата еще далеко. Все ясно?

– Больше вопросов нет, сэр.

Отобрав лучших новобранцев, сержант построил свою семерку неопытных, но отважных, и, как положено великим полководцам, обратился к ним с прочувствованной речью:

– Орлы, вам повезло быть зачисленными в славный своими традициями первый батальон двадцать седьмого пехотного полка. Но если увижу, что вы отлыниваете или трусите, то тут же отправлю вас обратно.

Вялые бойцы мгновенно воспрянули духом, и вместе с Фармером, Симэном и Брэдли рывкнули во всю глотку «ура». Личные вещи были тут же упакованы, и маленький отряд трусцой отправился вперед.

Увидев старые милые Шофилдские казармы, Вэнс ностальгически всхлипнул. Столько лет они были его родным домом, и вот он снова вернулся сюда после двухнедельного отсутствия, правда ненадолго. Всем прибывшим немедленно выдали на складе матрасы, одеяла и прочие принадлежности, а рекрутам еще и форму почти правильного размера. Так как каждый из них уже тащил пару объемистых вещмешков, да еще и оружие, то пришлось сделать два рейса, чтобы затащить все имущество на второй этаж, где находилась их спальня.

Теперь койка Тима располагалась не в общем зале, а в комнате для сержантов, но, увы, это только на один день. Прежде чем предаться заслуженному отдыху, вновь прибывшие осмотрели свои винтовки и аккуратно сложили оружие в пирамиды. Только после этого они повалились на койки, и лишь самые неутомные спустились в комнату отдыха, погонять шары на бильярде.

Вэнс не стал никуда ходить, хотя лейтенант дал ему целых полчаса отдыха, а уселся у окна и задумчиво смотрел на горы. Безделье стало для него непривычным занятием, и он машинально выискивал глазами вражеские самолеты и прикидывал расстояние до возможных ориентиров.

После обеда пришедшие в себя новички начали готовить снаряжение. Хотя почти все личные вещи пришлось оставить, но вещмешки раздулись, как воздушные шары. С собой приходилось брать по несколько комплектов нижнего белья – прачечных там не будет; побольше пива, ведь баров и магазинов тоже не ожидается. Чтобы сержант не реквизирует все спиртное, наиболее смысленные прятали несколько банок на дно рюкзака, а одну оставляли наверху, практически на виду. Еще нужно было не забыть боеприпасы, колья для палаток, канистры с водой, консервы, сахар, кофе.

После пятой безуспешной попытки запихнуть все необходимое рядовой Симэн осторожно поинтересовался у Вэнса, зачем тащить столько продовольствия, если на свете существуют походные кухни.

– Видишь ли, Гарри, открою тебе страшную тайну, – таинственно прошептал Тим. – Все припасы нам будут доставлять по морю. А как ты считаешь, сколько транспортов с продовольствием дойдет до нас, не затонув по дороге?

– Э-э-э, половина? – робко предположил рядовой.

– О, пятьдесят процентов провианта – это, конечно, хорошо. Но ведь нам же нельзя питаться через день, верно?

– Конечно, но... э-э... я просто хотел положить еще одну ленту для пулемета.

– Да не проблема, Гарри. Вытащи ее из коробки и обмотай вокруг пояса, а еще лучше две.

– Тим, тут только одна. Больше нет.

– Не беда, сейчас принесу.

Носимый боезапас лейтенант приготовил заранее, но после настойчивой просьбы сержанта поменял боекомплект, убрав почти все патроны с трассирующими пулями. Даже одного боя, проведенного в ночь после японской атаки, было достаточно, чтобы извлечь урок. Из рассказов очевидцев, участвовавших в междоусобном сражении и едва не погибших от дружественного огня, Тим усвоил одну истину: как бы ты ни маскировался, но росчерки трассирующих пуль выдадут твоё расположение противнику, даже если вспышек от твоих выстрелов

не видно. Поэтому решили трассирующие патроны не брать, оставив лишь небольшой запас для целеуказания.

Спокойную деловую обстановку, которой сопровождалась сборы, нарушил вернувшийся Билл, внесший сумятицу в процесс. Он бросил на пол мешок, стукнувшийся с глухим звуком, и радостно объявил на всю казарму:

– Смотрите, что я достал – деревянные чашки? Выкиньте свои тарелки и разбирайте. Тут на весь взвод хватит.

Новобранцы, которым уже надоел металлический привкус еды, тут же радостно устроили кучу-малу, разбирая деревянные плоски.

Несмотря на некоторые заминки, вскоре все были готовы, и до самого вечера солдатам опять было нечего делать. Кто-то решил еще раз выпастись перед ночным походом, кто-то снова чистил винтовку, но большинство вяло переговаривались, гадая, что их ждет. Пессимисты считали, что джапы завладели Кауаи и им придется становиться в оборону где-нибудь здесь на побережье. Оптимисты же уверяли, что остров еще держится и батальон высадят именно там.

За час до заката роту погрузили на грузовики, и колонна, соблюдая большие интервалы между машинами, покатила к берегу. Самолетов в воздухе не наблюдалось, но тем не менее все внимательно смотрели по сторонам. Так, в наблюдении за небом, и прошло их путешествие. Выяснилось, что оптимисты были правы в своих предположениях, и конечной точкой поездки оказался порт, где их ждала целая флотилия. Припасы и тяжелое вооружение погрузили заранее, а личный состав в целях маскировки подвезли только в сумерках.

Корабли, которым предстояло доставить десант к месту высадки, военными транспор-тами нельзя было назвать даже в насмешку. Прогулочные кораблики для туристов, сухогрузы, рыбацкие сейнеры. В общем, все, что не было потоплено, не ушло к континенту и не было задействовано в других местах. Теперь эти мобилизованные гражданские посудины стали вспомогательными судами ВМФ, хотя военного на них были разве что зенитные пулеметы.

Едва оказавшись на палубе, Тим приказал установить ротный пулемет на треногу, тем самым удвоив вооружение корабля. Даже новобранцу понятно, что ни от самолета, ни от вражеских батарей их «браунинг» не защитит. Однако когда солдаты посматривали на пулеметное дуло, грозно поворачивающееся то вправо, то влево, им становилось спокойнее на душе.

Полночи весь взвод, которому посчастливилось разместиться на палубе, всматривался в темноту. Иногда какому-нибудь солдату становилось плохо от качки, и он шел, наступая на своих товарищей, к борту, расталкивая там других таких же бедолаг, не любивших море. Самое лучшее место, откуда было удобнее всего... наблюдать за морем, заранее занял рядовой Симэн. Однако, предусмотрительно отказавшись от обеда, он избавил себя от лишних мучений, и теперь Гарри чувствовал себя почти хорошо.

Вскоре показали смутные очертания гор, заслонявшие звезды. Высокие берега острова постепенно надвигались из темноты, и уже можно было различить белую полосу прибоя. В мирное время на острове всегда горели огоньки, но теперь везде было темно, и лишь в нескольких милях правее вспыхивали редкие искорки – там велась вялая перестрелка.

Зрелище темного острова было мрачным и жутковатым, даже если не знать, что там ждут враги, и настраивало Вэнса на мечтательный лад:

«Здесь бы после войны фильмы снимать, – мелькнула у Тима несвоевременная мысль. – Например, про динозавров из мелового периода, которых нашли ученые. Или переснять на цветную пленку фильм про Кинг-Конга. А еще можно про разных инопланетных тварей. Эх, доживу ли я только до этого “после войны”?»

У большинства пехотинцев мысли были куда более приземленные. Все думали только о том, потопят ли их суденышко или удастся добраться до берега.

– Они не стреляют, – прошептал кто-то из «молодых». – Почему?
– Подпускают нас поближе, – «обнадежил» новичков капрал Брэдли. – Чтобы ударить наверняка.

Найдя его в темноте по голосу, Вэнс подошел поближе и вполголоса спросил:

– Фрэнк, ты серьезно так думаешь?

– Нет, конечно. Если бы джапы нас заметили, они не стали бы терять время. Но поторопить молодежь все-таки стоит. Чем сильнее напугаются, тем резвее будут высаживаться.

Как будто дожидаясь этих слов, раздалась команда лейтенанта:

– Все на высадку!

Сержанты сразу же принялись за дело, подгоняя солдат:

– Вставайте, вставайте, за борт по одному!

Моряки уже сбросили за борт канаты и сети, по которым пехотинцам предстояло спуститься к ожидавшим внизу лодкам и катерам. Сначала пропустили вперед пулеметчиков и минометчиков, а за ними отправились вниз и все остальные. Карабкались осторожно, страхуя друг друга. Когда на тебе снаряжения на восемьдесят, а то и на сто фунтов, даже самый лучший пловец мгновенно пойдет ко дну, если промахнется мимо лодки.

Последний взвод еще не покинул корабль, а первый уже выходил на берег, растянувшись цепочкой и не зная, что делать дальше. Не дожидаясь команды, большинство солдат схватилось за лопатки и без всякого порядка начали копать себе стрелковые ячейки под прикрытием деревьев. Командиры их не осаживали. Приказа к дальнейшему выдвижению все еще не было, так почему бы не укрепиться. Но вот по берегу забежали вестовые, которых в темноте только чудом не пристрелили, приняв за японских разведчиков, и рота двинулась вглубь острова, постепенно заворачивая влево. Гул и треск редких выстрелов остался за спиной, а впереди было тихо и темно, как будто там никого нет. Или же наоборот, как будто там ждала засада.

– Эй, лейтенант, – вполголоса окликнул Тим своего командира, когда тот оказался поблизости, – куда мы направляемся?

– К старой русской крепости на реке Ваимеа.

– А что тут делали русские? – поразился Гарри, услышавший разговор.

– Так ведь раньше остров принадлежал им, – объяснил Фрэнк, – и лишь после войны мы смогли его получить.

– Ты что-то путаешь, – новоиспеченный капрал был рад отвлечься от тревожных мыслей и ухватился за возможность поспорить. – Гавайи у нас уже лет сто, а с Россией мы воевали только двадцать лет назад, да и то на континенте.

– Верно, эта война и была лет сто назад. А точнее, в тысяча восемьсот семнадцатом году. Тогда местные короли попросились под власть российского императора, и он согласился. Русские построили здесь три форта, и даже местную реку переименовали по-своему – Дон.

– Как это по-своему, капрал? – воскликнул один из солдат. – Дон – это река в Англии, я географию хорошо знаю.

– Так, тише, а то всех япошек распугаешь, – осадил Вэнс не в меру ретивого рядового. – Отставить разговорчики и смотреть под ноги.

7 декабря 1941 года

Провинция Мегальянес. Чили

На пустынном берегу Магелланова пролива еще несколько недель назад высадился небольшой отряд немецких солдат. Со стороны их лагерь выглядел как обычное стойбище пастухов. Наспех сложенные шалаши, покрытые накинутыми кусками ткани, пасущиеся овцы, чернявые люди в пончо. Хотя в Южной Америке было немало светловолосых людей, но чтобы не выделяться, для командировки отбирали только брюнетов. Большинство солдат было испанцами, воевавшими до этого в «Голубой дивизии», а остальные члены отряда хотя бы немного

говорили по-испански. Сколько еще придется ждать, было не известно, но никто не выказывал нетерпения. Запасов продуктов хватало на несколько месяцев, а если припасы и закончатся, то их нетрудно будет пополнить.

Немецкие агенты в Аргентине смогли обеспечить солдат местной одеждой и, кроме овечьей отары, еще пригнали табун лошадей, которые могли понадобиться не только в качестве маскировки, но и для эвакуации. За время вынужденного безделья минометные расчеты немного научились ездить верхом и вполне могли доехать до ближайшего города.

Радиопередатчик у отряда имелся, но его включали только на прием, чтобы не быть запеленгованными. И вот вчера наконец-то пришло короткое кодированное сообщение, извещавшее, что цель на подходе. Приближалась желанная добыча – американский авианосец, имевший порядковый индекс CV-5, но чаще называемый по имени – «Йорктаун». В открытом океане он представлял собой грозную силу, способную справиться с линкором, а то и двумя. Самолеты, базирующиеся на нем, могли обнаружить и разбомбить любой вражеский корабль прежде, чем тот подойдет на расстояние выстрела главного калибра. Но здесь, в узком двухкилометровом проливе, авианосец лишился своего преимущества. Одна хорошо замаскированная батарея гаубиц или крупнокалиберных минометов могла как минимум повредить взлетную палубу, тем самым превратив его в бесполезный хлам.

К началу войны у Германии еще не имелось минометов с калибром свыше 81 мм, и пришлось использовать трофейные 120-миллиметровые, захваченные на Восточном фронте. К каждому прилагалось сорок мин, которые можно было выпустить буквально за три минуты. В том, что эти минуты у них будут, не было никакого сомнения. Хотя в эскадре, которую они ожидают, помимо всякой плавучей мелочи находятся два линкора, но их огромные пушки никакой опасности не представляли. Замаскированные позиции батареи расположились за прибрежными скалами и с моря не просматривались. Достать их там можно только бомбами. Но чтобы завести двигатели, взлететь, найти цель и отбомбиться, самолетам потребуется слишком много времени. Обстрел к тому времени уже закончится.

Командир отряда гауптман Альбрехт Хайнц с самого начала не питал никаких иллюзий насчет своей судьбы. После того, как минометы выпустят по кораблю весь боезапас, успевшие взлететь самолеты легко смогут их накрыть. Но здесь были только добровольцы, знавшие, на что идут. Потопить авианосец, конечно, не получится, но вот вывести его из строя на несколько месяцев вполне возможно. И ради этого стоило отдать жизни двух десятков человек.

Хайнц просматривал справочник военных кораблей мира, зачитанный им до дыр. Номинальная вместимость «Йорктауна» составляла 96 самолетов, но с момента его проектирования прошло много времени, размеры бомбардировщиков увеличились, и сейчас в нем помещалось не больше восьмидесяти штук.

Утром поднимающееся над горизонтом солнце осветило верхушки мачт, увенчанные антеннами. Сами махины огромных кораблей пока скрыты за скалами.

Как и следовало ожидать, эскадра шла медленно, осторожно пробираясь среди отмелей и подводных скал, которыми изобилует пролив. Естественно, Хайнц постарался выбрать позицию недалеко от особо опасного рифа, при подходе к которому корабли будут вынуждены еще сильнее снизить скорость.

Несколько раз пролетали самолеты, но пилоты были заняты поиском фарватера, и не обращали внимания на безобидных пастухов. Возможность наличия подводных лодок, немецких или японских, капитанами кораблей учитывалась, и соответствующие меры принимались. А вот опасности с берега никто не ожидал, и напрасно. Дальность выстрела большого полкового миномета составляла шесть километров, а его точность вполне позволяла накрыть огромную махину авианосца, длиной четверть километра и шириной тридцать метров.

Подготовка к операции была начата еще в сентябре. После разговора с советским военным атташе Ямомото сделал соответствующие выводы. Независимо от результатов атаки Перл-Харбора американцы обязательно решат перебросить один или два авианосца с Атлантики на Тихий океан, это очевидно. Но если Панамский канал действительно удастся вывести из строя, то кораблям придется идти через пролив Магеллана. А там авианосец можно будет обстрелять прямо с берега. Нужно только доставить туда и спрятать достаточно мощное, но в то же время компактное орудие или миномет. Как раз такие имелись у Советского Союза, и многие из них достались немцам в качестве трофеев, так что не составило никакого труда найти несколько штук вместе с боекомплектом.

Во время перевозки минометов на испанском судне их даже не прятали. Англичане следили, чтобы никто не ввозил оружие в Германию. А что плохого в том, что Испания продает оружие в Южную Америку?

Когда долгожданная цель приблизилась на расстояние выстрела, уже наступил полдень. В южном полушарии солнце находится на северной стороне неба, и сейчас оно помогало немцам, освещая цель. В тщательно подготовленных укрытиях, разнесенных на большое расстояние друг от друга, расположились три корректировщика, командир и оператор с кинокамерой. К каждому из укрытий был протянут кабель полевого телефона, соединявший их с батареей. Вполне возможно, что американцы начнут беспорядочный огонь из всех орудий по прибрежным скалам, которым могут вывести из строя немецких наблюдателей. Но оставшиеся в живых продолжают корректировать огонь. Ничего сложного в этом не было. Опыты, проведенные еще в Германии, подтвердили, что взрыватель мин срабатывает при ударе об воду так же хорошо, как и при попадании в твердую поверхность. Поэтому в случае промаха место падения мины будет хорошо видно по фонтану воды, взметнувшемуся вверх.

Расчет на внезапность оправдался полностью. Шум работающих двигателей заглушил свист падающей мины, и когда у борта поднялся столб воды, моряки бросились высматривать подводную лодку. Неделет был небольшим, поэтому второй раз отстрелялась уже вся батарея, успешно накрыв цель. После этого для команды корабля начался настоящий ад. Каждые несколько секунд на авианосце раздавалось два-три взрыва. 37-мм сталь взлетной палубы была достаточно прочной, но все же иногда не выдерживала взрыва тяжелой мины, мало уступавшей гаубичному снаряду, особенно если попадание приходилось рядом со сварным швом. Еще больше ущерба грозили нанести горящие самолеты, стоявшие на палубе с полным боекомплектом. К концу обстрела в авианосце зияло больше двадцати отверстий, к которым все время прибавлялись новые пробоины от детонировавших боеприпасов.

Все самолеты, находившиеся на палубе, были повреждены, и многие из них горели. Рвались бомбы, заранее сложенные наверху на случай встречи с вражеской подлодкой. Когда огонь добирался до бензобаков, предусмотрительно заправленных, происходил новый взрыв, раскидывающий пылающие обломки во все стороны. Горящий бензин стекал на нижнюю палубу через пробоины или люки, и стоявшие там бомбардировщики тоже пылали.

Некоторые смельчаки отваживались сталкивать горящие машины в воду. Но вскоре огненный фонтан, взметнувшийся из обреченного самолета, поглотил несколько человек, заставив остальных отступить.

Немецкий кинооператор Ганс Вильдт, поставив камеру на треногу, с восторгом снимал горящий «Йорктаун». На войне корабли часто горят и тонут, но снять вблизи сцену пылающего вражеского судна удается достаточно редко, так что кадры станут просто бесценными. Все было как по заказу: огненные вспышки взрывов, черный столб дыма над кораблем, пылающие самолеты, охваченные огнем люди, прыгающие в море. Время от времени оператор делал фотографии своей «лейкой», а потом снова доворачивал кинокамеру, чтобы продолжающий

плыть авианосец не вышел из кадра. Войдя в раж, Вильдт ни на что больше не обращал внимания, и его пришлось уводить чуть ли не силой.

С помощью команд других кораблей американцам удалось заставить огонь отступить, но окончательно пожар потушили только к утру. На ангарной и верхней палубах было уничтожено все, что могло гореть и взрываться. Больше двухсот членов экипажа погибло от огня, взрывов или задохнулось от дыма. Но все же для авианосца эти потери не были фатальными. Имевшие хорошую защиту погреб боезапаса, хранилище топлива и машинный отсек не пострадали. Боевая рубка, покрытая десятисантиметровой броней, была неуязвима для мин, а очаги возгорания, появившиеся от горящего бензина, протекшего из ангара, быстро удалось ликвидировать. «Йорктаун» своим ходом смог дойти до ближайшего порта, где его немного подлатали, прежде чем он отправился на капитальный ремонт в Сан-Диего.

Через несколько дней после обстрела авианосца все крупнейшие газеты Аргентины, а позже и всего мира опубликовали сенсационные снимки взрывающегося и горящего «Йорктауна». Катушка с кинопленкой прибыла из Буэнос-Айреса в Берлин дипломатической почтой, и вскоре ее растиражировали в огромном количестве. После поражения на востоке Гитлеру требовался хоть какой-то успех, которым можно подбодрить армию, и горящий авианосец пришелся весьма кстати. Всем участникам операции, включая оператора, были вручены Железные кресты. Японию попросили прислать списки причастных к взрыву Панамского канала, чтобы наградить и их тоже. Таковые, естественно, нашлись, в основном в руководстве разведслужбы. Сами же непосредственные исполнители панамской операции якобы находились на нелегальном положении где-то за рубежом, и рассекречивать их имена японское руководство посчитало преждевременным.

9 декабря 1941 года

Сан-Диего, Калифорния

В небольшом доме на окраине Сан-Диего, принадлежавшему Вильяму Лэнджеру, одному из лидеров профсоюза судостроительной верфи, происходила сцена, очень похожая на описанную Ильфом и Петровым. Если бы Вильям читал «Золотого тельца», то заметил бы сходство ситуации. Но эту книгу на английский еще не перевели, поэтому он спокойно продолжал раскладывать деньги на три стопки разного размера, стараясь поделить их как можно справедливее.

Началось все неделю назад. К нему подошел один из офицеров, служивший на «Саратоге», и предложил кое-что обсудить после работы. Если бы Вильям знал лейтенанта Пикнета⁴ немного лучше, то он был бы несколько удивлен тем, что офицер, известный своими карточными долгами и посещениями нелегальных игровых клубов, щедро угощает его дорогой выпивкой.

После пары рюмок Пикнет сообщил по секрету то, что сейчас волнует экипаж. Как считали офицеры корабля, главное, чтобы в походе к Гавайям приняло участие не меньше двух авианосцев, иначе японская авиация поставит крест на всей операции. Высказав свои соображения, лейтенант поинтересовался точкой зрения собеседника.

Польщенный тем, что его мнением интересуются, Лэнджер выдал неплохой анализ внешнеполитической ситуации, почерпнутый им из газет, и свое виденье современной стратегии. Собеседники пришли к согласию, что после сдачи Филиппин и больших потерь в Перл-Харборе рисковать остатками флота нельзя. Для обоих не являлось секретом, что «Саратога» давно готова к выходу в море. На ней ведутся только профилактические работы, которые можно прервать в любой момент. Но если руководство флота не пришлет дополнительную помощь,

⁴ Звание лейтенанта ВМС США соответствует капитан-лейтенанту ВМС СССР.

то в освобождении Гавайев примут участие самолеты лишь с одного авианосца, а этого явно недостаточно.

Выпив еще раз за победу своей великой страны, собеседники разошлись, очень довольные содержательной беседой.

После коварного нападения на «Йорктаун», произошедшего вопреки всем международным соглашениям в чужих территориальных водах, американская пресса сообщила о незначительных повреждениях, полученных авианосцем. Но на верфи многие уже были в курсе того, что именно им скоро придется ремонтировать и сколько времени это займет. Получалось, что до января корабль останется на приколе. Однако «Саратогу» готовили к отплытию по прежнему графику. Сопоставив факты и придя к неутешительному выводу, профсоюзный деятель сам подошел к офицеру, который совершенно случайно оказался поблизости, и взволнованно спросил его, что же теперь будет. Обсудив ситуацию, Лэнджер с Пикнетом пришли к единому мнению, что выход есть. Достаточно после отплытия корабля обнаружить небольшое повреждение в двигателе, и авианосец вернут обратно вместе со всем флотом. А это значит, что тогда волей-неволей придется дожидаться починки «Йорктауна», и в этом случае операция точно пройдет успешно.

Оставалось лишь уговорить пару механиков выполнить задуманное, но здесь Пикнет не видел никаких сложностей. У него есть знакомый менеджер, работающий в фирме, поставляющей оборудование для кораблей. Он настоящий патриот Америки и наверняка сможет выделить профсоюзу часть прибыли от предстоящего ремонта. Эти деньги должны достаться тем, кто ради своей родины готов пойти на риск быть обвиненным в халатности, а то и в саботаже.

К счастью, представитель компании вечером был дома, и его не пришлось разыскивать. Выслушав веские доводы о необходимости задержать поход, он глубоко задумался. Наконец, когда Вильям уже всерьез забеспокоился, менеджер торжественно заявил, что придумал, по какой статье можно списать расходы.

Утром Лэнджер получил пакет с деньгами вместе с наставлениями, как их лучше распределять. Семьдесят тысяч долларов, на которые расщедрилась компания, были огромной суммой, в десятки раз превышавшей годовую зарплату рабочего, но сразу выплачивать ее исполнителям не рекомендовалось. Поэтому Вильям отсчитал только пять тысяч для материального стимулирования механиков, тысячу на нужды профсоюза, а остальное пока отложил. Никакого отчета от него не требовалось, и если все пройдет удачно, то эти деньги можно будет оставить себе.

В принципе, Лэнджер был совсем неглупым человеком, но ему и в голову не пришло что-то выяснять и наводить справки. Зачем сомневаться, ведь он же имеет дело не со шпионами, а с настоящими американцами. Почему-то всегда бывает очень легко убедить человека в том, во что ему самому хочется поверить. Раскладывая купюры, профсоюзный лидер размышлял о том, как во время сражения один из двух авианосцев будет потоплен, а второй тяжело поврежден. Тогда всем станет ясно, что отправлять «Саратогу», не дождавшись «Йорктауна», было неразумно. Да и в любом случае шестьдесят четыре тысячи долларов на дороге не валяются.

Глава 4

– Так, Наташа, пиши дальше. Когда Хью увидел мьюта, он отскочил в сторону и на лету достал большой нож... Стоп, нет. Длинных ножей тогда еще не изобрели. Они появятся только после того, как ГГ сходит к четырехрукой кузнечихе, э-э... к кузнецу-женщине – ну в общем, к оружейнице, которая согласится их выковать. Правда, для этого пришлось пригрозить, что в случае отказа кузнечиху засунут в ее же собственную печь.

Написание романа «Пасынки вселенной», которым мне пришло в голову осчастливить человечество, продвигалось на удивление быстро. Читать книгу мне приходилось не один раз, так что я бегло диктовал текст, по ходу дела внося свои коррективы. Первым строить межзвездный корабль «Авангард» начнет, разумеется, Советский Союз, великодушно поделившийся своими технологиями со всеми странами и предложивший им участие в проекте. Однако хитрые капиталисты, заполучив чертежи фотонного двигателя, сотрудничать не стали. Они решили первыми достичь Проксимы Центавра, где по данным астрономов имелась планета земного типа, и на правах первооткрывателей наложить лапу на все ее богатства. Чтобы ускорить создание корабля, которому я, недолго думая, присвоил имя «Набукко», они строили его сикось-накось, так что все постоянно ломалось. Впрочем, предполагалось, что полет совершится лишь в один конец. Корпорация Джордана планировала застолбить планету, чтобы потом продать СССР право на ее использование или же самим добывать полезные ископаемые. Экипаж в этот самоубийственный рейс набирали с бору по сосенке, зачисляя туда штрафников, преступников и всякий сброд. Неудивительно, что в самом начале полета начались мятежи, а многочисленные поломки оборудования усугубили ситуацию. Разгон корабля прекратился, и вместо восьми лет полет длился несколько поколений. Правда, в оригинале говорилось о шестидесяти годах, но мне этот срок показался слишком большим, и я уменьшил его на порядок. В эпилоге чудом долетевших до цели потомков взбунтовавшегося экипажа должны были встретить советские колонисты, живущие на цветущей планете, покрытой яблоневыми садами. Кр-расота!

Для членов несчастного экипажа я даже придумал «Марш космических негодяев». Ну как придумал, вспомнил, конечно. Песни Высоцкого еще будут звучать в десятках кинофильмов и книг, уж я-то об этом позабочусь.

Мое графоманство нравилось мне все больше и больше. Да, о такой работе можно только мечтать. Неважно, появится ли мое имя на обложке книг, но зато я несу людям культуру и просвещение.

– Звонят в дверь, – радостно завопила Наташа, бросая ручку. Эх, лентяйка, ей лишь бы отлынивать. Всего-то полчаса стенографирует, а уже делает вид, что устала.

Пришла, как я и ожидал, Аня, сразу вручившая мне увесистый сверток. Я помог ей снять новенький полушубок, в котором она теперь щеголяла, и потащил в кабинет хвастать своим творением. Отношения между нами оставались чуть натянутыми, но, к счастью, мы были слишком загружены работой, чтобы предаваться самоанализу. Собственно, нагружали больше всего Жмыхову – она оставалась единственным помощником Молотова во всем наркомате, кто был в курсе *будущих* дел, и он щедро делился с ней своими проблемами. Разумеется, перед любым сотрудником наркоминдела можно поставить задачу, введя как предположение, что в будущем случится то-то и то-то. Но весь вопрос в том, *кто будет эти задачи формулировать*. Сам Молотов и без того загружен делами, и когда ему дали настоящего историка, то есть специалиста, по определению разбирающегося в политике, социологии, международной экономике, стратегии и прочих нужных премудростях, он был страшно рад. Жаль, что мне не удастся подключиться к этому мозговому штурму. Хотя в движущих силах истории я немного

разбираюсь, но кроме общих правил нужно еще знать текущую обстановку, а тут я пас. Хотя у меня и имелись некоторые сведения о нынешней истории, порой ключевые, но в общем о современной жизни я знал до обидного мало. Я не только не знал о большинстве политиков современности и целях, которые они ставят, но даже не подозревал о существовании некоторых стран. Простейшие вопросы, вроде того, каков сейчас статус Синьцзяна, Хайдарабада или Тувы, вгонял меня в ступор, заставляя шестеренки в голове крутиться без остановки. Так что мне остается довольствоваться лишь ролью консультанта по очень немногим вопросам, а все остальное время приходится уделять графомании.

В свертке оказался подарок – толстенькая стопка журналов «Astounding Science Fiction», которые переправили из Америки диппочтой. Отправив Ландышеву отдохнуть, к ее несказанной радости, я усадил Жмыхову на диван, а сам пробежал глазами оглавления, выискивая фамилию Хайнлайна. Надо же узнать, на какой стадии творчества находится этот начинающий и никому пока не известный писатель. Впрочем, оказалось, что его уже печатают, и в последнем номере журнала был размещен большой рассказ «Здравый смысл». Такое название я не помнил и, подгоняемый любопытством, спешно пролистал страницы, сгорая от нетерпения.

Чем больше я читал, тем сильнее закипал во мне гнев. Нет, ну не подло ли с его стороны нарушить все законы справедливости и истории? Мне же точно известно, что «Пасынки вселенной» будут написаны только в *шестидесятых годах*, а здесь вот черным по белому описаны приключения моего Хью Хойланда.

Не знаю, долго бы я еще ходил по комнате, гневно размахивая журналом, если бы не тактичная Аня, которая робко поинтересовалась причиной моего негодования. Бросив проклятый «Science Fiction» на пол, я открыл ей причину своей печали:

– Да вот, Хайнлайн, оказывается, уже создал мой роман. Теперь я боюсь передирать другие его книги, а вдруг он их тоже напишет раньше.

– Не напишет, вот смотри, – успокоила меня девушка и достала из черной кожаной папки сверхсекретное донесение. – Фашистские агенты, скорее всего итальянцы, устроили диверсию в научно-исследовательской лаборатории ВМФ в Филадельфии. При взрыве в числе прочих погибли Хайнлайн и Азимов.

– Сволочи итальяшки! – возопил я, снова что-то швыряя на пол. – Такие таланты загубили. Да ведь они уже практически согласились переехать после войны в СССР, где им обещали все условия для творчества. И кто теперь вместо них напишет все их шедевры? – Вопрос был риторическим, придется мне напрягать память и писать хотя бы сюжеты в общих чертах.

Чтобы отвлечь меня от очередного горюшка, Аня дипломатично перевела разговор на нейтральную тему:

– Ты вчера по телефону говорил, что твои вещи привезли и кольчуга наконец-то вернулась. Покажешь?

Против ее ожидания, я только еще сильнее расстроился:

– Понимаешь, Анюшка, с ней такая неприятность вышла. Не знаю, что за сволочи так с ней обращались, но... В общем туда вода попала, и часть колец заржавела.

– Много? – огорченно ахнула Аня, сочувственно погладив меня по руке.

– Да нет, не очень, всего процентов десять. Но вид у нее теперь испорчен. Пойдем, покажу мою ржавую железяку.

– Ух ты, какая красота, – еле слышно выдохнула Аня, увидев разложенную на столе стальную страданицу, которую пытался чистить Авдеев. Мой ординарец старательно орудовал железной щеткой, но если его труд не механизировать, то он и за неделю не справится. Однако большинство колечек оставались блестящими и гладкими и были способны радовать взор даже закоренелых пацифистов.

– А вот так посмотри, – с гордостью произнес я и повернул кольчужку к лампе, так что она засияла тысячами бликов.

– У-ух, – только и смогла ответить восхищенная девушка. – Тоже хочу себе такую.

Ага, проняло Жмыхову. А теперь мы ее вот так потрясем, в смысле кольчугу, а не Аню, чтобы волны света забегали по ней во все стороны. Нет, все-таки ничего более красивого человечество пока не изобрело. Одно никелированное колечко блестит на свету не хуже драгоценного камня, а когда их тысячи и они собраны ровными рядками, то зрелище получается неопи-сваемое.

Вдоволь наохлавшись и навосхищавшись, Аня с комсомольской прямоотой перешла к кон-структивной критике:

– Мне, конечно, понравилось, однако данное изделие сделано исторически неверно: все кольца, кроме воротника, не плющенные. Ну это еще ладно, в раннем средневековье таких было больше половины. А вот то, что колечки не склепаны, это совершенно недопустимо.

– Так это же не для защиты от боевого оружия, – возмутился я. – Для исторических реконструкций сведенка вполне подходит. Да и в городской квартире стучать молотком все вечера и выходные нельзя, соседи с ума сойдут. Так что она очень даже сойдет. Ладно, Ань, не будем спорить, пойдем, чаю попьем.

К чаю Аня притащила колбасы из своего наркомовского допайка. Правда, мороженую, но пока грелся чайник, она ее быстренько пожарила. Меня удивляет, как в этом мире люди умеют так жарить на обычной сковородке, что ничего не пригорает. Увы, но у нас это умение, похоже, безвозвратно утеряно, о чем я ей тут же тихонько и признался.

– Ага, я в курсе, что *там у вас*, – также шепотом ответила Аня, – урановые сковородки с тефлоновым покрытием. И жарят они не только без масла, но и без огня.

Позвав всех к столу, работница дипломатического ведомства начала светскую беседу, ни о чем меня больше не спрашивая, чтобы ненароком опять не расстроить.

– Ребята, слушайте новость. Встретила вчера однокашников с литфака, и они рассказали, что Долматовский, считавшийся погибшим, вышел из окружения.

– Это такой известный поэт, – пояснил мне Алексей. – Он написал много стихов и песен. Вот, кстати, например, песню для фильма «Сердца четырех», который мы смотрели. Ну, где сестры друг у друга женихов, гм... – Потупившись под укоризненным Аниным взглядом, Леонов скомканно закончил мысль: – Хорошо, что он выжил.

– Можно подумать, я такой темный, что не знаю знаменитых поэтов. Да мне даже известно, где Долматовский воевал, вот слушайте, – и я начал вкратце рассказывать о тех далеких событиях. Впрочем, нет, вовсе не далеких. Для моих собеседников это произошло всего лишь четыре месяца назад. – Бои под Уманью шли тяжелейшие. Боеприпасов не осталось. Когда шестая армия пыталась прорваться из окружения, у них было около десятка танков, но без снарядов. Тогда командование решило добавить к ним все имевшиеся тракторы, а их насчитывалось около сотни, и ночью пустить на гитлеровцев. Те, услышав рев моторов и лязг гусениц, сначала в панике разбежались.

– Точно, – подтвердил Леонов. – Вся наша рота до сих пор байки рассказывает, как одним трактором, замаскированным под танк, немцев до укр... ой, в общем, до смерти напугали. А тут их сотня. Эффект, должно быть, был потрясающим.

– Да, вот только тракторы едут медленно, а светает в начале августа рано. Когда фрицы увидели, что их провели, они напали на растянувшуюся колонну и разгромили ее. На следующую ночь штаб армии еще раз организовал прорыв, и снова безрезультатно. Еще две недели наши бойцы скрывались в лесах и отбивались от немцев, но без припасов и патронов постепенно все погибли или попали в плен. Выйти из окружения смогли только тысяч десять или двенадцать бойцов. Самую большую группу вывел полковник, э-э... с такой хищной фамилией, ну как же его, а, Ласкин.

– Это же ласковая фамилия, а никакая не хищная, – недоверчиво возразила Наташа, решившая, что ее разыгрывают.

– Да что ты, ласка очень опасный зверек, – просветил ее Паша. – Сам маленький, а не боится на большую дичь нападать – птиц, кротов, белок.

Вспомнив о героическом полковнике, я задумался. А ведь в *том* сорок третьем году Ласкин, уже будучи генералом, лично принял капитуляцию фельдмаршала Паулюса и взял его в плен. Возможно, и здесь ему предстоит сделать то же самое, только не в Сталинграде, а где-нибудь в Германии. Правда, с белками, вернее с Белкиным, ему крупно не повезло.

Поднявшись, я поманил за собой Аню, пообещав остальным, что вернусь через минуту.

– А потом Ласкин стал маршалом? – спросила Аня, когда я закончил рассказ про пленение Паулюса.

– Мог бы стать, но встретился ему на пути фронтовой особист Белкин. Жадный до наград и не отягощенный совестью. Ласкин отказал ему в ордене, за что вскоре и поплатился. Его арестовали и надолго заточили в тюрьму. Правда, Белкина в конце концов самого посадили, а Ласкина, соответственно, выпустили. Но бывшему особисту, можно сказать, повезло. Вскоре умер Сталин, и Белкин вышел на свободу. Правда, такой вот клязник был не нужен даже Хрущеву, и его лишили генеральского звания. Однако надо отдать Белкину должное. Изгнанный с позором из армии, он начал новую жизнь, устроившись на завод обычным рабочим. Видимо, там ему удалось найти свое призвание, так как даже когда Белкину вернули звание, правда не генерал-лейтенанта, а лишь полковника, он не ушел на заслуженный отдых, а до восьмидесяти лет работал слесарем, создавая и испытывая новые автомобили.

– Грустная история. Кстати, могу поспорить, что Белкина реабилитировали уже при Брежнев. Каждый раз при смене правителя происходит пересмотр дел «жертв прежнего режима».

– Этого я не помню. Так, ну в общем, Ласкина надо продвигать, а Белкина, наоборот, отправить в тыл. Куликов где-то шляется, как обычно, а ты в Кремле каждый день бываешь, так что похлопочи.

– Второй пункт уже выполнен. Отправили, и очень далеко. Да не смотри так удивленно, просто Молотов просил усилить разведдеятельность в Китае, а Белкин уже работал нашим резидентом на востоке – то в Синьцзяне, то в Урянхае⁵.

Без нас компания не скучала. Будучи на службе, пить водку с утра пораньше никто не собирался, но и без того веселье не утихало. Все трое моих охранников пели «По долинам и по взгорьям», размахивая в такт пистолетами и едва не стреляя в потолок. Бедненькие, скучно им, вот и развлекаются, как могут.

У меня в памяти что-то всколыхнулось, и я поднял руку, призывая к вниманию:

– Аня, пометь себе. Кажется, под Ленинградом недавно взяли в плен немецкого генерала Даниэлса, так?

– Верно, два дня назад сообщали в сводках, – подтвердил Леонов, – а вчера напечатали фотографию в газетах. Правда, генеральской формы у фон Дэниэлса еще нет, он просто не успел пошить. Я так понял, после осенних поражений Гитлер решил старых генералов сместить, а на их место назначить новых, вот в том числе и этого.

Значит, фон Дэниэлс. Да, вроде бы тот самый. Пока мысль еще держалась в голове, я схватил Аню за руку, и снова потащил в кабинет.

⁵ Аня привела устаревшее название Тувы. Историк, что с нее возьмешь.

– Ну, что ты вспомнил? – с любопытством прошептала Аннушка, хотя за закрытой дверью нас и так никто не мог услышать.

– Надо этому генералу с Долматовским встречу устроить и заснять ее на кинокамеру.

– А они что, знакомы?

– Когда Долматовский был в плену, этот фон барон собрал наших командиров и уговаривал их перейти на сторону фашистов, обещая скорую победу. Вот наш поэт ему это и напомним, ха-ха. А вспомнил я, потому что Долматовский с другими командирами пел эту песню немцам, когда те пытались их агитировать. По крайней мере, так в мемуарах написано.

Аня кивнула, но мысли ее, кажется, были далеки от пропаганды и боевых действий.

– Интересно, – задумчиво произнесла она, – что все подумали о том, почему мы так зачастили оставаться наедине?

– Да пусть себе думают, что хотим, то и делаем, – раздраженно махнул я рукой и наклонился к ней ласково поправить челку. Давно хотел так сделать, но почему-то стеснялся, да и перед Зоей было немного совестно. А чего стесняться своих чувств, я же хотел чистой искренней любви, а это она, похоже, и есть, причем взаимная.

Аня все поняла без слов и закрыла глаза, замерев от счастья. Только пушистые ресницы слегка подрагивали, и губы слегка приоткрылись, дожидаясь самого главного момента в жизни – первого поцелуя.

Положив руки ей на плечи, я секунду помедлил, за что тут же обругал себя. Чего ждать, вот же она, моя судьба. Голова отчего-то закружилась – наверно, от запаха нежной кожи, юности, весны, хотя на дворе вроде бы зима, и, конечно, любви. Очень бережно, как будто передо мной хрупкий цветок, я поцеловал Аню и, подавив желание продлить чудесное мгновение, тут же отстранился, испугавшись, что ей не понравится. Все-таки она еще нецелованная и невинная девочка, мало ли, вдруг засмуется. Что до меня, то мне не просто понравилось, могу даже сказать, что подобных ощущений я еще не испытывал. Один поцелуй, а эмоций больше, чем за десять лет жизни, надо же. Возможно, в юности было так же, но с тех пор прошло столько лет, и воспоминания о первой любви потускнели.

Длинные ресницы снова всколыхнулись, и, вскинув голову, Аня посмотрела на меня своими изумрудными глазами, счастливо улыбаясь. Говорить не хотелось, да и нет таких емких слов, способных выразить тот сумбур, что творился у меня в голове. Только глаза могут разговаривать на языке любви, а еще улыбки, нежное пожатие рук и прикосновение к волосам любимой девушки. Невербальное общение... тьфу ты, могу я хотя бы на минуту забыть свои псевдонаучные термины?

То, что мы вернулись, нежно держась за ручки, слегка перемазанные помадой, никто и не заметил. Все продолжали увлеченно петь, на этот раз «Пуговку» Долматовского, да еще усердно изображали ее в лицах. Наташа играла роль бдительного пионера, Авдеев был диверсантом, а Леонов, естественно, пограничником. Я слов не знал, но Аня тут же подключилась к хору, который на разные голоса и немного не в лад распевал песню:

Четыре дня искали, четыре дня скакали
Бойцы по всем дорогам, забыв еду и сон,
В дороге повстречали чужого незнакомца,
И сразу окружили его со всех сторон.
А пугови-то нету от левого кармана,
А сшиты не по-нашему короткие штаны,
А в глубине кармана – патроны от нагана
И карта укреплений с советской стороны.
Вот так шпион был пойман у самой у границы.

Никто на нашу землю не ступит, не пройдет.
В Алешкиной коллекции та пуговка хранится,
За маленькую пуговку – ему большой почет!

– Какие планы на сегодня? – на правах невесты и «посвященца» поинтересовалась Аня, когда пение закончилось.

– Сейчас в нашу дивизию поедем, а то там дел накопилось тьма, а комбата нет.

– Как нет? – удивленно вскинула брови Аня. – Иванов же дней пять назад сюда заезжал и говорил, что у вас в батальоне все в порядке.

– А, ну я же тебе не сказал. Комбата направили на курсы «Выстрел» в Солнечногорск, повышать квалификацию. И эта тягомотина, к сожалению, продлится полгода.

– Это в лучшем случае, – огорченно уточнил Леонов. – Учитывая рекомендацию генерала Масленникова, который Иванову отличнейшую характеристику дал, его потом наверняка оставят учиться на комполка. Так что до конца войны он не вернется.

– Вот дела, – задумчиво протянула Аня, переживая за мое подразделение как за родное. – А кто же теперь командует вашим батальоном, его заместитель?

– Вот в том-то и дело, Ань! Замов у комбата фактически не было, и теперь всем заправляет начштаба лейтенант Климов, так что считай никто. Он хотя формально и кадровый командир, целый год в военном училище отучился, но еще зеленый юнец.

– Получше никого не могли найти?

– Эх, Аня, ты же сама на фронте была. Видела где-нибудь полную комплектность кадров? Да еще дивизию грабят все кому не лень. Наш дивизионный особист весточку мне передал, просит меня пособить. Представь себе, двух лучших снайперов дивизии – Николаева в нашем полку и Охлопкова в 234-м – демобилизуют.

– За что, если они лучшие?

Я пожал плечами.

– Вышел какой-то указ, чтобы представителей малочисленных народов в армию не брали. Но они же якуты и к малочисленным не относятся. Да еще Семенова, нашего ротного коновода, хотят забрать. Говорят, создали еще несколько казачьих дивизий, вот и ищут для них донцов. Но и это не все. Командование начало формировать литовскую дивизию, и в нее набирают отовсюду, кого только найдут. У нас в 179-й с начала войны состав практически полностью сменился, но еще осталось немного жителей Литвы, в основном, конечно, евреи. Например, Абрамовичюс из политуправления, еще некоторые. Если не вмешаться, их скоро всех заберут.

Вообще, надо заметить, что хотя у многих фронтовиков сложилось предубеждение, что на передовой евреев не бывает, но это далеко не так. Просто среди них очень высокий процент образованных людей, которых и назначают на тыловые должности. А в литовской дивизии представителей этой национальности было не меньше четверти личного состава, причем именно в боевых частях. Я в свое время собирал всевозможную информацию по дивизии своего деда, поэтому и в курсе этих нюансов.

Убедившись, что Аня вникла в проблемы и прочувствовала их, я продолжал грузить ее дальше:

– Это еще не все. Пока мы в глубоком тылу, нас снабжают из рук вон плохо, а ведь не сегодня-завтра дивизию на фронт пошлют. Например, Водянов, это наш начальник ПФС⁶ полка, жаловался, что сухпайки выдали просроченные, да и то недостаточно. Да и много чего еще не хватает. Дошло до того, что бойцы ходят по домам и выпрашивают белые простыни и скатерти на маскхалаты. Наши особисты в курсе, что я порученец Меркулова, вот и просили посодействовать.

⁶ ПФС – продовольственно-фуражное снабжение.

– Так значит, ты имеешь право не только браки заключать, – притворно удивилась Наташа, – но еще и полезные дела делать? – Вот ведь язва, припомню ей когда-нибудь.

– Единственно, чего у нас хватает, – продолжал я, игнорируя ландышевские подколки, – это оружие, но и тут большая загвоздка. Тыловые крысы требуют учитывать все немецкое оружие, иначе его если и не отберут у дивизии, то по крайней мере боеприпасами снабжать не станут. Только представь, сначала заполнять горы бумажек с формулярами и описями, а потом еще и отчитываться за сломанное и утерянное оружие. А как его чинить, если запчасти никто не даст? В принципе, понять штабных интендантов можно, мы же не партизаны, а регулярная армия. Так что попытаюсь поговорить с пятьдесят на пятьдесят – ну, половину трофеев учесть, а половину нет.

– Ну да, попробайся поговорить, – передразнила Наташа. – Аня, а ты чейный порученец, Молотова или Берии?

– Обоих, – слегка приврала Жмыхова, даже достала какую-то бумагу из планшета. – И если надо, распишу тебя с Куликовым. Он к тебе очень даже неравнодушен.

Ландышева в ужасе распахнула глаза и сначала не знала, что возразить:

– Так он же... он же женат, – наконец вспомнила Наталья.

– Ничего страшного, разведем. Товарищ Берия весьма демократично относится к маленьким слабостям подчиненных. – Вдохновенно фантазируя, Аня одновременно с самым наивным видом хлопала ресницами. Огромные изумрудные глаза смотрели честно-честно, ну как тут не поверить.

Наташа действительно поверила и растерянно замолчала, придвинув табурет поближе к Паше в поисках защиты. То, что Берия лично выбирал для меня жену, она знала, и разделять Зоину участь ей совсем не хотелось.

– Когда отправляетесь? – как ни в чем не бывало вернулась Аня к прежней теме.

– Мы еще вчера собирались поехать, но случилась закавыка с нашей машиной.

– Авария?

– Да нет, просто кое-кто, – я выразительно посмотрел на Павла, – не только умудрился найти зимой огромную лужу, но еще и решил форсировать водную преграду на полной скорости.

– Почему это умудрился, – заворчал Авдеев, – где-то трубу прорвало, вот лужа и натекла.

– Так что, ваша «эмка» утонула в луже? – не поняла Аннушка.

– Да нет, всего-навсего вода залила карбюратор и попала в цилиндры. Ну и понятно, что потом поршень попытался эту воду сжать, а аш-два-о, как известно, вещество практически несжимаемое. Поэтому сжаться пришлось штоку в цилиндре, и в результате машину отправили на капремонт.

Не желая сдаваться, Павел выдвинул контраргумент:

– Зато нам теперь выдали ЗиС-101. Практически правительственный лимузин.

Ландышева тут же саркастически хмыкнула, заставив нас потупитья, но так как Аня была не в курсе, Наташа ей пояснила:

– Эти вот джентльмены не придумали ничего лучше, как послать в гараж за автомобилем бедную девушку.

Ну а что тут поделаешь, если нам срочно нужно было на завод ехать, а Ландышева все равно оставалась охранять квартиру. Ей дел-то было выбрать машину и отогнать ее в гараж госбезопасности, где тамошние механики за ней присмотрят. Вернулась Наташа вечером не сильно уставшая, а вот руки у нее были подозрительно измазаны чем-то черным, и она потом долго их отмывала горячей водой на кухне.

Неловкую паузу прервал телефонный звонок. Нам сообщили, что ЗиС-6 с отделением охраны ждет во дворе и можно выезжать. Быстренько собравшись, мы гурьбой высыпали из

квартиры, но, выйдя из подъезда, тут же замерли на месте. «Правительственный лимузин», в котором нам предстояло путешествовать, оказался желтым, как цыпленок.

– Так это выходит, ты нам машину из таксопарка взяла, – вполголоса зашипел Леонов, обвиняюще показывая на желтое чудо.

– По крайней мере, я выбрала не «эмку», а самый лучший автомобиль, – фыркнула в ответ Наталья. – На таких даже наркомы ездят.

Да уж, на *таких* они точно не ездят. Хотя и так сойдет, нам же на ней не на фронт ехать. Да и на фоне снега желтый цвет менее заметен, чем черный. Кстати, имеется еще один большой плюс. В черном ЗиС-6 разъезжают генералы, и для вражеских шпионов они цель номер один. А таксомотор никого особо не заинтересует, так что Ландышева поступила очень даже правильно.

Когда мы обошли это чудо вокруг, то поняли, чем это Наташа вчера вымазалась. На капоте был намалеван маленький аккуратный значок радиации. Делая его эскиз, я без задней мысли оставил рисунок на видном месте, не считая секретным, и мстительная Наташа этим воспользовалась. Ну да ладно, до создания ядерной бомбы еще далеко, и желто-черный трилистник ни у кого никаких ассоциаций не вызовет.

– И что это означает? – осуждающе спросил свою подругу Авдеев, ткнув пальцем в капот.

– Это тактический значок одного отряда особого назначения, – вдохновенно соврал я. Надо же сделать вид, что никакого секрета я не выдал. – Он сейчас никем не используется, так что можно его занять.

– Все верно, – подтвердила Наташа. – И этот знак говорит об особой опасности его обладателей. Вот в природе желто-черная окраска есть у пчел, ос, некоторых змей, тигров. – Надо же, а логика у девушки работает, сразу ухватила суть.

– Это нам подходит, – согласился Леонов. – Для немцев мы очень даже опасные, не меньше, чем осназ.

Долго стоять на морозе не хотелось, да и мотор мог остыть, поэтому мы поспешили забраться в машину. Девушки помахали нам на прощанье, и Леонов рванул вперед, так что грузовик еле за нами поспевал. Впервые оказавшись за рулем элитной машины, Алексей был от нее в полнейшем восторге, и ему хотелось врубить третью передачу и мчаться на полной скорости. Если бы не преграждавшие улицы баррикады, которые только недавно начали разбирать, он бы так и сделал. Ну вот, накаркал. На Варшавском шоссе никаких препятствий движению не было, и Леонов разогнался километров до пятидесяти, не обращая внимания на отставший грузовик. Зря он так мчится. Ну хотя бы сначала прочувствовал габариты машины, она же шире «эмки» и на метр длиннее. То, что на дороге попадает снег, а шины у нас не шипованные, его тоже не очень смущает. Верно говорят, какой же русский не любит быстрой езды. В восторге от новой игрушки и переполнявших его чувств Алексей запел очередную песню, естественно, на все ту же диверсионную тематику:

В глухую ночь, в холодный мрак
Посланцем белых банд
Переходил границу враг —
Шпион и диверсант.

Он полз ужом на животе,
Он раздвигал кусты,
Он шел на ощупь в темноте
И обошел посты.

Впрочем, как только мы выехали за город, восторги поутихли. Местами дорогу перекрывали снежные заносы, и там, где «эмка» могла бы сравнительно легко пройти, наша «сто первая» буксовала. Хорошо, что ехать было недалеко, и уже минут через сорок показались пригороды Подольска. Несмотря на морозец, тут было очень оживленно. Отцы-командиры не давали бойцам и курсантам, расквартированным в городе, отсиживаться по теплым казармам и организовывали им полевые учения. Одни бегали на лыжах, другие пытались утрамбовать из снега пуленепробиваемый бруствер, третьи занимались более интеллектуальным занятием – исследовали траектории полета пули. Для этого вдоль дороги тянулись колья разной высоты, на которые было натянута несколько веревок, одна под другой, имитирующих траектории для разных установок прицела. Группка красноармейцев шла вдоль этого самодельного макета и проверяла на наглядном примере, как выбор точки прицеливания влияет на попадание в цель.

На въезде в Подольск нас остановили для проверки документов, причем, в отличие от прошлого визита, проверяли очень тщательно, изучая буквально каждую строчку удостоверения. Прикинув, что на энкавэдэшников сопровождения уйдет не меньше десяти минут, мы решили их не ждать, тем более что впереди нас поджидает еще один пост перед мостом. Да и что может случиться в тыловом городе, полном войск? Здесь находятся два военных училища, в которых обучается несколько тысяч курсантов; штук тридцать госпиталей; части нашей родной дивизии; какой-то запасной полк, куда постоянно прибывает пополнение; и вдобавок разные ускоренные курсы пулеметчиков, саперов, еще кого-то. Плюс к этому охрана железной дороги и многочисленных оборонных предприятий, которые в этой истории никуда не эвакуировались.

Поэтому мы с чистой совестью бросили охрану и покатили вперед. Однако не успел наш желтый авто доехать до речки, как возникло новое препятствие. Одинокий всадник в красной энкавэдэшнлй фуражке, спокойно ждавший на обочине, при нашем приближении поднял руку, требуя остановиться. Когда мы, сбавив ход, подъехали ближе, он дернул правый повод и, встав поперек дороги, преградил нам путь.

Мгновенно среагировав, Алексей остановил машину и распахнул дверцу, одновременно доставая автомат. Пашка тоже извлек пистолет и нацелил его на подозрительную личность поверх двери.

Устало посмотрев на нас сонными глазами, энкавэдэшник вяло взмахнул рукой в сторону виска, изобразив приветствие, и официально представился:

– Старший оперативный уполномоченный особого отдела по Подольскому гарнизону капитан НКВД Колодин. – И примирительным тоном добавил: – Попрошу предъявить документы.

Не опуская оружия и настороженно озираясь вокруг, мы вышли из машины и, подойдя ближе, показали удостоверения. Армейские, разумеется. Когда понадобится, тогда и заявим, что мы из госбезопасности. А пока светиться незачем, ведь мы находимся в том же городе, где расположен наш полк. Ну а что на машине катаемся, так это же не лимузин, а всего лишь реквизированное такси, да и командировочное предписание у меня имеется самое настоящее.

Наклонившись с седла, капитан внимательно прочел наши корочки и никаких попыток арестовать нас не предпринимал. А смелый этот Колодин. Ведь не зря же вышел приказ о том, чтобы особисты в одиночку не расхаживали. Если оперуполномоченный человек честный и порядочный, то воры, уклонисты, растратчики и прочая шушера его сильно невзлюбят. Ну а если он, что бывает нередко, мерзавец, то охрана ему нужна вдвойне. Однако этот спокойно разгуливает без охраны.

– Товарищ Соколов, – наконец обратился он ко мне, – с вами хочет побеседовать руководство. Попрошу вас проследовать за мной, разумеется, вместе с вашей охраной. Это недалеко, метрах в трехстах отсюда. Надолго вас не задержат.

Какое такое руководство, да еще на окраине маленького города? Может, шпион? Да нет, на немца Колодин совершенно не похож. Снаряжение и знаки различия правильные, все чин по чину. А то немцы хоть и аккуратисты, но постоянно на какой-нибудь мелочи попадаются. То начинают платить за проезд в трамвае, то четыре кубика в петлицах нацепят, чего даже Мушкин, которого мы в госпитале арестовали, не сделал бы. А откуда он узнал о моем приезде? А ждет он нас явно давно – весь замерз, несмотря на теплую одежду, и у лошади ноздри уже обледенели.

Но вроде бы опасаться нечего, он же один, хотя как-то уж все это подозрительно. Я бросил взгляд на ребят, но Алексей с Павлом смотрели не на капитана, а на его лошадь. Какой все же я ненаблюдательный, особиста рассматривал, а на его транспортное средство внимания не обратил, и, как оказалось, зря. Хотя уздечка у лошадки была абсолютно новая и, можно сказать, щегольская, но вот о самой коняге этого сказать было нельзя. Обычная рабочая лошадка беспородной пегой масти, да и подкована в круг, то есть совсем недавно таскала телегу или сани. Наверняка под седлом оказалась впервые за свою долгую лошадиную жизнь лишь на войне. Дать такую захудалую лошаденку заезжему энкавэдэшнику вполне могут, но для своего постоянного особиста нашли бы что-нибудь получше. Сейчас, конечно, война идет, но Подольск все-таки в тылу, и фронтовой неразберихи тут нет. Если говорить привычными терминами, это все равно, как если бы начальнику госбезопасности города выделили «Запорожец» или мусоровозку. Не то чтобы я разбирался во всех нюансах иппологии, но пока жил здесь, кое-что усвоил. А все-таки жаль, что в наше время не учат ездить на лошадях, общение с живой природой идет только на пользу.

Пока я размышлял о недостатках современного образования, Авдеев вскинул автомат, нацелив его на предполагаемого диверсанта. Леонов тоже ворон не считал и, неожиданно проскользнув под брюхом лошади, завладел револьвером вероятного противника.

К нашим метаниям особист отнесся совершенно спокойно, и хотя его держали под прицелом с трех сторон, он и вида не подал, что чем-то огорчен.

– С вами действительно хотят поговорить, – мягко повторил Колодин. – Руководство.

– Кто конкретно?

Отпираться капитан не стал и, пожав плечами, признался:

– Там вас ждет член Политбюро.

Авантюрная жилка во мне снова проснулась, и я решительно скомандовал:

– Идемте, посмотрим, что тут за политбюро заседает.

За руль я уселся сам, а Леонов с ППШ наперевес шел за особистом, тихонько трусившим на своей лошаденке. Не думаю, что это пегое чудо сможет скакать галопом, а если вдруг Колодин и попробует удрать, то попасть в такую большую мишень, как лошадь, легче, чем в человека. Вскоре провожатый указал нам на цель нашего путешествия:

– Вон в том белом доме.

Никакой охраны у дома не наблюдалось, если не считать водителя, копавшегося под капотом сто первого ЗиСа, на этот раз *черного*. Быстро осмотревшись, мы составили план действий. Я остался в машине, Алексей сторожил энкавэдэшника, а Пашка открыл дверь и, пригнувшись, скрылся в темноте. Обрато он вышел, пятясь спиной вперед, а его пистолет уже был в кобуре.

– Это и в самом деле *он*, – растерянно сообщил ординарец, уже настроившийся на битву с диверсантами. – Не соврал особист.

– С охраной?

– Да нет, один.

Ну, тогда опасаться мне нечего. Не станет же какой-нибудь старичок лично убивать меня, да и вряд ли он добьется успеха в поединке с опытным пейнтболистом. Почему бы и в самом деле не поговорить.

– Ждите здесь, – бросил я телохранителям и, не выпуская на всякий случай оружия, вошел внутрь.

Глава 5

Зеленоглазая

Проводив Сашу, я села в свою машину и отправилась в Кремль. Новая работа нравилась мне все больше и больше, тем более что темы для исследований я могла выбирать вполне самостоятельно. Распорядок работы мне тоже никто не навязывал и авралы не устраивал. Что еще надо для счастья ученого?

Так, сначала разберем почту и посмотрим, что нам сегодня пришло. Ага, вот очень интересная новость – немецкое консульство в Дакаре организовало просмотр фильмов местному населению. Тематика, как и следовало ожидать, весьма односторонняя: «Крещение огнем», «Кампания в Польше», «Победа на западе». Все картины как бы документальные и рассказывают о победах фашистов в Европе. Понятно, подоплека тут вполне очевидная – скоро дачкам ждать гостей.

Хорошо, новости почитала, и можно достать мою любимую папочку. Тема увлекательнейшая, я даже название для нее красивое придумала: «Энергетическая безопасность страны». В Сашиних записях очень много говорилось о добыче нефти в разных странах, нефtezависимости и скачках цен. Я даже заподозрила, что Андреев работал в нефтяной компании, уж очень много он знает по этой тематике. Впрочем, попаданец мои подозрения решительно отверг. Один раз, правда, он собирался устроиться в «Лукойл», но что-то не вышло. Кстати, потом я глянула в словаре, и оказалось, что *Look Oil* переводится с английского как «Смотри, нефть». Чудное название, право слово. Ну так вот, как Саша утверждает, что последние сорок лет вся политика так или иначе крутится вокруг энергоносителей и путей их транспортировки. Поэтому тот, кто интересуется международным положением и историей, волей-неволей все узнает об углеводородах.

Самым лучшим энергоносителем является природный газ, так как его очень удобно транспортировать по трубам. А основным поставщиком газа в Западную Европу в будущем станет Норвегия, которая нас и так уже очень интересует. Второе место по поставкам в двадцать первом веке занимала Россия, ну а третье Алжир. Эти страны поставляли, в смысле будут поставлять, три четверти всего газа, потребляемого в ЕС. Очевидно, что для их общего блага им просто необходимо объединиться в газовый картель. И пусть тогда капиталисты попробуют напасть на нас или на наших союзников! Мы сразу же перекроем трубу и вынудим агрессоров отступить. Такой проект мне очень понравился – защищать страну не оружием, а торговлей. И расходов на оборону меньше, и прибыль будем получать. Но, конечно, сначала надо заручиться поддержкой правительств этих стран, а еще лучше, поставить там своих людей.

Еще не знаю, включать ли социалистическое королевство Норвегию в состав СССР, или оставить ее просто нашим вечным союзником. Ну, там видно будет. С Алжиром полегче. Ввиду удаленности от наших границ, как сегодняшних, так и предполагаемых послевоенных, быть ему страной независимой. А вот какой госстрой мы там установим, пока сказать трудно. Вообще-то теория предполагает, что социализм следует строить лишь в промышленно развитых странах. Конечно, гигантские скачки из феодализма прямо в коммунизм возможны, но очень уж они дорого обходятся, причем дорого во всех смыслах. Так что повального социализирования разных там африканских и азиатских стран нам следует старательно избегать. Для тех, у кого найдутся природные ресурсы, можно и исключение сделать, ведь они сами смогут себя финансировать. Но это не обязательно. В принципе, насколько левым будет правительство в нефтеносных и газоносных странах, дело десятое, лишь бы они были нам верны. Понимаю, это звучит странно, однако, зная судьбу большинства соцстран, начинаешь относиться к ним с недоверием. Но это мы обсудим чуть позже, а пока вернемся к газу, а вернее, к тем участкам суши, ну и моря, конечно, откуда он берется.

Итак, Алжир. Пока идет война, наши союзнички терпят национальное движение в Африке, но лишь до определенного момента. Когда он наступит, совершенно ясно и без послезнания. В прежней истории колониалисты начали повальные аресты оппозиционеров весной сорок пятого, а 8 мая, сразу после подписания предварительной капитуляции Германией, начали бойню. Возмущенные тем, что им не дали свободу, алжирцы массово восставали, но неорганизованные повстанцы ничего не могли поделать против регулярной армии и авиации. Совершенно неподготовленное стихийное выступление батраков и хаммасов не имело ни малейших шансов на успех. За считанные дни было убито не меньше сорока тысяч человек, и конечно, большинство из них не имело никакого отношения к повстанцам. Целые поселки алжирцев были вырезаны лишь по простому подозрению. Однако такой финал вовсе не предрешен. Если национальное движение чуть-чуть организовать, то дело пойдет на лад. Так что алжирцы – это наши потенциальные союзники.

Теперь Норвегия. Страна потенциально богатая, правда, есть одна заковыка. Все ее богатство лежит на дне моря, и добывать его оттуда очень дорого. Рентабельной продажа подводного газа стала лишь после нефтяного кризиса семидесятых, когда арабы ввели нефтяное эмбарго. Но мы, конечно, так долго ждать не собираемся и постараемся ускорить естественный процесс, хе-хе. Ведь и в самом деле природные ресурсы следует беречь и добывать их не варварским способом, а и рачительно и экономно, к тому же сберегая экологию. Так что предложение за спросом поспевать не будет. А если капиталисты хотят потреблять нефти больше, чем мы успеваем добывать, то это их проблема. Вот только прежде следует разобраться с Персидским заливом, а это вопрос архисложный и труднопрогнозируемый. Например, что следует делать с Курдистаном? Вот к слову, в том мире вышла некрасивая история, когда Сталин войска из Ирана вывел, а обещанные концессии от иранцев не получил. Если знать точно, что и здесь такая же ерунда случится, то нужно требовать от шаха дать независимость Мехабадской республике курдов. Ну а вдруг потом Иран станет просоветским? Тогда, выходит, мы сами себе навредим. Ну да ладно, выкрутимся. Мы и месторождения получим, и нефтяной кризис устроим как можно раньше.

А вот тут вырисовывается еще одна замечательная перспектива. Во время кризиса все стремится к распаду, будь то транснациональная корпорация, большая страна или объединение стран. Корпорациям легче, они просто продают часть своих предприятий, особенно те, что приносят мало доходов, и ждут лучших времен. Но вот распад страны дело не такое простое. С одной стороны, отдельные регионы стремятся отделиться, чтобы не делить свои доходы с бедными провинциями, и в этом им помогают местные лидеры, жаждущие власти. Но с другой стороны, центральное правительство упорно этому сопротивляется.

Вот интересно, что произойдет в Америке, если годах эдак в шестидесятых поставки нефти неожиданно снизятся? Кризис начнется такой, что Великая депрессия покажется процветанием. Нефтедобывающие штаты вполне могут решить, что пребывание в США является для них обузой. Особенно Техас – самый большой по территории⁷, один из самых населенных и самых богатых и заодно самый гордый и выпендренный. Там даже в двадцать первом веке носят шляпы, что для цивилизованного мира уже давно считается дикостью. Техас стоит особняком среди всех штатов – он единственный был раньше независимой, всеми признанной страной. А в случае нефтяного кризиса техасцы, вполне возможно, захотят пуститься в свободное плаванье.

Кстати, Саша упоминал, что незадолго до его, хм, путешествия, губернатор Техаса на полном серьезе заявлял о праве штата на отделение. Строго говоря, вопрос этот очень темный и запутанный. В конституции нет никакого запрета на выход субъектов из состава страны. Там говорится, что местные правительства могут принимать любые законы, не противореча-

⁷ В 1941 году Аляска еще не являлась штатом.

щие федеральным. Правда, есть такая штука, как решение Верховного суда по делу «Техас против Уайта». Это, конечно, не закон, но прецедент в Америке – это краеугольный камень правосудия, и с юридической точки зрения штаты отделяться от страны права не имеют. Ну что же, тем лучше. Не захотят США добровольно отпустить Техас, пусть начинают вооруженную борьбу, а мы с Великобританией будем, хм, «морально» поддерживать свободолюбивый народ прерий. Да, и почему же только их. Еще следует оказать юридическую помощь коренному населению страны. Как ни крути, но все до единого договоры с индейцами правительство Штатов нарушило. Наш долг помочь бедным индоамериканцам. Да, и надо пометить себе, чтобы потом разработать стратегию борьбы афроамериканцев за свои права. А если заглянуть в двадцать первый век, когда Европу заполонят жители бывших колоний, то и учесть противостояние афроевропейцев с евроевропейцами. Тьфу ты, запутаешься с этой политкорректностью. Короче говоря, надо поддержать справедливую борьбу негров против бледнолицых.

Само собой, еще надо поразмыслить, как не допустить создание международных альянсов, вроде ЕС и НАТО. Не то чтобы Молотов и Сталин об этом не думают, но вдруг я какую-нибудь оригинальную идею да подам. Как говорится, две головы хорошо, а... что еще за громовой стук? Да что же такое, на самом интересном месте прерывают полет фантазии.

Несколько минут я готовилась к приему посетителей, пряча бумаги по сейфам, а на нетерпеливый оклик: «Ну что вы там?» сердито буркнула:

– Бумаги сжигаю. Инструкция у меня такая.

Наконец, собрав в кучу все листочки, до этого аккуратно разложенные по столу, и запихав их куда подальше, я открыла дверь и посмотрела, кто так настойчиво ко мне ломится. Обычный старший политрук, представившийся Лопатыным, хотя, судя по внимательному взгляду, он мой коллега из ГУ ГБ. Там сотрудники часто для маскировки носят чужие петлицы, и в основном как раз из политуправления.

Подозрительно потянув носом воздух, не горит ли чего, и придирчиво осмотрев мое удостоверение, он без лишних слов выдал мне другое, с новым званием младшего лейтенанта госбезопасности, а старое приказал лично сдать в отдел кадров. Внимательно проследил, как я расписалась в бланках, сверил подпись, ну и педант, а под занавес вручил пропуск в приемную Сталина. Вот бюрократия, ну почему же их делают одноразовыми? На прощание таинственный политрук, да и Лопатын ли он на самом деле, заявил, как бы между прочим, что меня вызывают «к самому» в тринадцать сорок.

Кто еще должен явиться на совещание, кроме нас с Верховным, конечно, и какие вопросы значатся в повестке дня, мне никто объяснить не соизволил. На всякий пожарный взяла несколько папок и карт, мало ли что спросят, и завалилась в приемную пораньше. Впрочем, Поскребышев меня пригласил сразу, и оказалось, что в кабинете Верховного уже собралась целая толпа.

По составу участников это было скорее расширенное заседание Комитета обороны, на которое еще пригласили военных из Генштаба и руководство некоторых фронтов. Шапошников тоже присутствовал, хотя вид у него был явно нездоровый, зато Василевского нигде не было видно. Обсуждали в первую очередь «котлы», в которые угодили фашистские войска, и перспективы их скорейшей ликвидации. Курский котел уже удалось сжать до размеров города, но на этом продвижение остановились. Штурм каменных зданий, хотя и полуразрушенных, означал большие потери в людях и огромный расход боеприпасов. Кстати, военные пояснили, что как раз развалины оборонять легче, чем целые дома. В конце концов решили, что черт с ними, с паразитами. Пускай немцы сидят в Курске, пока не замерзнут.

Рядом с Демянском фашистов тоже потеснили, и теперь они прячутся в лесах практически без снабжения. Однако лезть к ним через заминированные буреломы пока рановато, тут тоже следует обождать. В Новгороде часть гарнизона уже сдалась, но оставшиеся фрицы к

чему-то готовятся, скорее всего, к прорыву в сторону Луги, и этого ни в коем случае допустить нельзя. В смысле выпустить фашистов из города можно и нужно, но затем они должны попасть в мешок. Тут главное не ошибиться с направлением прорыва и вовремя выставить заслоны.

Самой трудной задачей сейчас является удержать немецкую армию в огромном ленинградском котле, постепенно сжимая его и рассекая на части. Самое оптимальное направление для удара (это не я решила, а маршалы) от Нарвы на юго-восток, вдоль западного берега реки Луга и навстречу ему от города Сольцы. Если новое наступление пройдет успешно, то в западной части котла останутся сравнительно небольшие части противника, которые можно быстро уничтожить. Тогда восточнокотельцы окажутся больше чем в ста километрах от линии фронта, и в двух шагах от плена. Ну а если основные силы окруженцев вдруг попрут на запад, то мы начнем выполнять запасной план.

Судя по всему, перелом в войне уже намечается, уже есть случаи *добровольной* сдачи в плен целых батальонов еще до того, как у них закончились боеприпасы и продовольствие. Но большинство фашистов, конечно, пока упрямо держатся, надеясь на чудо в виде решительного удара своих войск. Надеются они напрасно. Насколько нам известно, прорывать внешнее кольцо окружения немцам просто нечем. Зато наши армии готовы продолжать наступать и дальше. Под данное мероприятие зарезервированы практически все пополнения и боеприпасы, имеющиеся в наличии. От успехов сражения в «Большом кольце», как его назвали журналисты, зависит весь ход войны, поэтому чтобы достичь успеха, резервы исчерпали до дна. Все боеприпасы, производимые военными заводами, сразу доставляются на фронт и немедленно выпускаются по врагу. Попытки накопить более-менее значительные запасы на будущее сурово пресекались, таких генералов-хомяков Сталин нещадно критиковал:

– Вы даете передышку побитому противнику, – медленно, с расстановкой, чтобы дошло до всех, пояснял Сталин. – Этим вы его укрепляете и затрудняете в ближайшее время свое продвижение вперед. Это очень плохо. Давайте поскорее ваш план дальнейшего наступления с обозначением сроков продвижения.

В ответ на укоры хомяки бледнели и обещали больше передышки врагу не давать. Надеюсь, так оно и будет. Пока противник не успел окопаться и прочно закрепиться, его надо гнать дальше. Чуть остановишься, и все, он зароется в землю, и тогда прорывать оборону придется с большим трудом.

А вот послышалось странное слово – «Алькор». Что такое, почему я об этом ничего не знаю? Навострим уши, ага, теперь понятно. Когда Саша ввел новый обычай давать название операциям, это очень понравилась командованию, и оно раздало имена всем мало-мальски значимым планам. Планеты быстро закончились, теперь перешли к звездам. Знать бы еще, где и когда этот таинственный «Алькор» будет проходить. Так, внимание, опять выступает Верховный.

– Как мне доложили, операцию лучше всего начинать через десять дней, максимум через две недели. Однако вы говорите, что резервов нет и на все сил не хватает. Но вы поймите, товарищи, что другого такого большого шанса не будет. Поэтому вам *надо*... – короткая пауза, – ...*надо* собрать достаточное количество сил.

– Четвертый воздушно-десантный корпус понес *сравнительно* небольшие потери, – сразу отозвался кто-то из генералов, – и за пару недель его можно подготовить к боевым действиям.

– Сто семьдесят девятая стрелковая сидит здесь в тылу, а она вполне боеспособна. К тому же у нее гаубичный полк оснащен трофейной артиллерией, снарядов к которой мы выделим с избытком. Ее, правда, хотели перебросить к Демянску, но там и без нее справятся.

Сразу посыпались предложения о соединениях, частях и подразделениях, вплоть до батальонов, которые можно снять, перебросить, ускоренно доформировать. Потом также легко нашлись паровозы из резерва правительства. Нарком путей сообщения заверил, что он и члены Политбюро, курирующие транспорт, лично контролируют выделение поездов для пере-

броски войск. Пообещали также изыскать недостающее вооружение, запланированное количество боеприпасов и продовольствия.

Все это, конечно, страшно интересно, но вот что на этом совещании делаю я, вот в чем вопрос. Слова мне не давали и ни о чем не спрашивали. Могли бы тогда просто вручить протокол и сэкономить мне кучу времени. Единственный плюс от моего сидения – это то, что некоторые командующие, любящие крепко выражаться, теперь старались себя сдерживать. Даже Ворошилов, который и при Сталине не затруднял себя автоцензурой, теперь перешел с матерно-командного на обычный русский язык. Да, вот так надо с ними, построже. Вместо того чтобы бросаться стандартными заученными фразами, пусть предварительно думают и тщательно формулируют свои предложения.

Ладно, пока обдумую новый замечательный план – уже пора всерьез вести с пленными немцами агитрабoту. Мы уже захватили несколько генералов, а скоро их прибавится еще десяток-другой. Особенно радует, что партизаны поймали самого Зейдлица-Курцбаха, и самое приятное, Гитлер успел присвоить ему звание генерал-лейтенанта буквально за день до пленения. Вот нам и готовый глава будущего комитета «Свободная Германия». Жаль, что Саша больше ничего о его членах не помнит. Тогда, в той истории, немцы ждали коренного перелома в войне, чтобы запеть по-другому. А тут перелом, похоже, не за горами, и нужно ловить момент, поскорее вербуя добровольцев среди пленных. Вопрос только в том, как именно использовать фрицев, которые согласятся перейти на нашу сторону. А что, если действительно сформировать из немцев, настроенных против Гитлера, отдельный корпус? В прошлый раз до этого дело не дошло, и ограничились лишь небольшими отрядами, да и то буквально в последние дни войны. Но сейчас все может пойти по-другому. Вот только на какой фронт их послать? Против своих воевать они будут неохотно. Против румын? Ага, сейчас. Эти вояки будут служить тренировочным полигоном *для нас*. Идея, а что если экипировать фрицев теплой одеждой и направить на Финляндию? Вот смеху-то будет. Финны призвали Германию на помощь, чтобы захватить у нас Карелию и Ленинград, а теперь немцы сами будут изгонять оттуда финских захватчиков.

Понятно, что не я первая об этом подумала, но вряд ли кто-нибудь уже составлял подробные планы на этот счет. Не обращая внимания на нудные перечисления вагонов, боеприпасов и валенок, я тут же написала свои предложения и передала записку Сталину, слегка удивляясь своей наглости. Прочитав мое послание, Верховный в мою сторону не посмотрел, но довольно улыбнулся и протянул листок Берии. Тот тоже отчего-то заулыбался и положил рацпредложение перед Шапошниковым. Борис Михайлович в свою очередь кивнул мне и показал на часы, дескать, когда освобожусь, поговорим.

Подумать только, а ведь раньше генералов видела вблизи один-единственный раз. Это случилось, когда нас впервые привезли на фронт. В тот день устроили показательный расстрел дезертира, и какой-то генерал по этому случаю выступал перед нами. А теперь вот сижу бок о бок с маршалами, и ничего, от обилия звезд на петлицах голова кругом не идет.

Едва закончились баталии по распределению немногочисленных резервов, сразу попросил слова Тимошенко. К моему удивлению, заговорил он не о боевых действиях, а витиевато и околичностями завел речь о моральном состоянии армии. Это было довольно странно, ведь после остановки вражеского наступления в октябре с боевым духом у нас стало все в порядке. Ну а после большого наступления никто и не сомневался, что война закончится уже в следующем году.

Но маршал нашел-таки коварного внутреннего врага, подрывающего боеспособность Красной Армии, и им оказался не кто иной, как журналист Корнейчук, написавший пьесу «Фронт». В чем заключалась его вина, я сразу не поняла, так как Тимошенко, к моему удивлению, оказался поэтом, и вместо конкретных обвинений прибег к образам и метафорам. Пока я пыталась догадаться, что значит фраза «*Эта пьеса вредит нам целыми веками*», Семен Кон-

стантинович добрался до конкретных предложений – «автора привлечь, виновных разобрать». Не удивлюсь, если комфронта специально прилетел в Москву, чтобы разобрать виновных, причем в самом буквальном смысле, по косточкам.

Верховный, слушавший гневную тираду без малейших признаков нетерпения, подержал в руке папку, переданную ему в качестве вещдока, и отбросил ее на стол:

– Сценарий пьесы я читал.

«Ну и?» – было прямо-таки написано на лицах всех генералов, даже на затылках стенографистов, сидевших к нам спиной.

– Написано политически грамотно, литературные достоинства также бесспорны, – отрезал Верховный, вогнав Тимошенко в ступор.

Маршал, не ожидавший такого возражения, даже на минуту онемел, но все-таки решил гнуть свою линию до конца:

– Там же клеветническая пропаганда против нашей армии, – с возмущением поделился он своим виденьем данного произведения.

Однако Главнокомандующий с этим не согласился:

– Вы не правы, товарищ Тимошенко, – продолжал Сталин защищать «Фронт». – Вы думаете, Красная Армия идеальная, а она не идеальна, и все недостатки надо открыто признавать.

Воспользовавшись тем, что все сидели остолбенев, я схватила папочку, чтобы хоть одним глазком увидеть, о чем тут толкуют. Ай, как стыдно! Пока читала повести о будущем, не удосуживалась заглядывать в прессу сегодняшнюю. Правильно говорил Остап Бендер, людей, не читающих газеты, надо морально расстреливать на месте. Эту пьесу печатали в газете, но я окромя сводок с фронта и зарубежных новостей ничем не интересовалась. Тимошенко оказался более бдительным, но тут он, конечно, сильно промахнулся. Если пьесу печатают не где-нибудь, а в «Правде», то понятно, что публикация была согласована на самом высшем уровне. Не удивлюсь, если Сталин сам же и попросил ее написать. Как-то трудно представить, чтобы обычный военкор по своей инициативе вдруг затеял разгромную критику командования фронтами. Хотя маршалу эта простая мысль, похоже, в голову не приходила. Эх, это про таких, как он, Саша цитировал одного автора: «Мне бы саблю и коня, да на линию огня, а дворцовые интриги – это все не для меня»⁸.

Однако Верховный злиться на недогадливого маршала не стал и воспользовался случаем, чтобы донести свою позицию до всех присутствующих. Убедившись, что все слушают внимательно, впрочем, вряд ли могло быть по-другому, он начал лекцию:

– Да, товарищи, у нас есть генералы, которые плохо знают свое дело. Пьеса правильно отмечает недостатки Красной Армии, и было бы неправильно закрывать на них глаза. Нужно иметь мужество признать недостатки и принять меры к их ликвидации. Это единственный путь улучшения и усовершенствования Красной Армии. Поэтому пьеса будет иметь огромное воспитательное значение и для нашей армии и для ее комсостава.

Почти все присутствующие, конечно, кроме нас, «знающих», были буквально в шоке. Чтобы не демаскироваться, я вместе с другими «знатоками» попыталась тоже изобразить на лице смесь недоумения и согласия.

– Так это что же, всю старую гвардию снять, – недоуменно спросил Тимошенко, обводя нас растерянным взглядом, – а кого же тогда на наше место поставить? Выходит, надо возродить старый лозунг о том, что любая кухарка сможет командовать армиями. Вот вы, голубушка, – обратился маршал ко мне, видимо полагая, что я здесь только для оказания первой медицинской помощи Шапошникову, – вы можете объяснить, почему летом в Западном ОВО наши войска... э-э... не смогли остановить фашистов?

К его удивлению, я вскочила и бойко принялась докладывать:

⁸ Леонид Филатов.

– К началу войны войска Западного особого военного округа были практически не готовы к боевым действиям. Начнем с самолетов. Авиационный парк округа сильно устаревший, причем и морально, и технически. Древние «чайки» и «ишачки» даже в исправном состоянии не могут угнаться за немецкими самолетами, а с изношенными двигателями так тем более. Правда, в округе имелось достаточное количество машин новых типов, но переобученных пилотов для них не хватало. Например, из двухсот сорока истребителей МиГ только четверть была обеспечена летчиками, а на двадцать новейших Як-1 вообще не нашлось ни одного экипажа. Причем в ряде авиаполков, перевооруженных на новую технику, осталось много безлошадных пилотов. Старых самолетов у них уже не осталось, а на новые их по графику должны были обучить только осенью. В итоге получилось, что формально обладая численным преимуществом над немецкой авиацией, фактически мы ничего противопоставить фашистам не могли.

Молотов усиленно подавал мне знаки, чтобы перестала отвлекать людей от серьезных дел, но пока Сталин молчал, насмешливо поблескивая глазами, я продолжала строчить со скоростью пулемета, выдавая факты и цифры:

– Из тысячи шестисот пятидесяти самолетов ВВС округа лишь девятьсот пятьдесят могли подняться в воздух, и в основном устаревшие модели. Но это в мирное время, а в первый же день войны наша авиация понесла колоссальные потери от бомбежек противником аэродромов, причем больше всего как раз в Западном ОВО. Объясняется это тем, что местность в Белоруссии лесистая и болотистая, мест, пригодных для оборудования аэродромов, в отличие от соседней Украины, там немного. Причем местоположение старых польских аэродромов немцам хорошо известно, ведь они захватили в Варшаве все карты польского генштаба. Конечно, были приказы о создании новых аэродромов и их тщательной маскировке, но прежнее командование округа их не выполнило. В результате противник сразу захватил господство в воздухе, тем самым во многом предопределив исход наземного сражения. Далее, противотанковые бригады полностью сформировать не успели, их практически вообще не было, так что остановить наступление танковых клиньев они не могли. Нужно также отметить, что даже в приграничных районах комплектность дивизий была неполной, оставаясь на уровне мирного времени. Усугубило ситуацию то, что в них служило много призывников с новых территорий, которые не все еще полностью лояльны советской власти. По-хорошему, их следовало отправить служить на восток, но это было сделано с опозданием. Также не отобилизованным был не только личный состав соединений, но и автотранспорт. Наконец, усугубил ситуацию быстрый захват противником большого количества складов с боеприпасами, оружием, горючим и продовольствием. Но самое печальное это ситуация со связью. Не имея налаженной связи с войсками...

В помещении уже воцарилась полная тишина, и все смотрели на меня, округлив глаза, как будто узрели невиданное чудо, хотя лично я ничего необычного в докладе не видела. Для меня это лишь урок истории, который я тщательно выучила. Конечно, пока все эти данные секретные, но только не для Жмыховой. К тому же, чтобы проверить уровень достоверности попаданческих сведений, к его рассказу о первых месяцах войны были приложены официальные отчеты. Так что я могла черпать данные сразу из двух источников и смотреть на летние события с двух точек зрения.

Тимошенко, сначала смотревший с иронией, а потом с ужасом, постепенно повеселел:

– И вы, товарищ Жмыхова, – осторожно спросил он, – полагаете, что другой командующий на моем месте смог бы наладить оборону лучше?

– Нет, товарищ маршал, ваши действия в данной ситуации были совершенно правильными, – бодро отчеканила я. Не знаю, так ли это на самом деле, но все сомнения следует трактовать в пользу обвиняемого. Да и ссориться с маршалами по пустякам не стоит.

– Товарищ лейтенант госбезопасности специализируется на армиях иностранных держав, в первую очередь США, – с самым серьезным видом уточнил Молотов. – Поэтому особых подробностей наших фронтовых операций она не знает.

Как все-таки приятно, нарком сократил только одно-единственное слово «младший», и я уже как будто отношусь к старшему комсоставу⁹. И смотрят на меня теперь совсем по-другому. Одним словом, дипломат.

– Специалист по Америке, в самом деле? – почти приветливо улыбнулся Тимошенко, спеша уйти от опасной темы. – Как вы оцените возможности американского гарнизона на Гавайях? Ведь от него зависит ход войны с японцами.

– На архипелаге расположены две пехотные дивизии – 24-я и 25-я, причем последняя еще не закончила формирование. – Повезло с вопросом, это единственные американские соединения, о которых я что-либо знаю. Впрочем, остальные никого пока особо и не интересуют. А если мне вдруг зададут заковыристый вопрос, скажу, что сведения секретные и разглашению не подлежат. – Недавно началось создание еще одного добровольческого соединения, но для него еще нет ни оружия, ни личного состава. В целом я полагаю, что высадка японцев на Оаху невозможна до подхода значительных подкреплений, которые раньше двадцатого числа не ожидаются. Если американскому флоту ничего не помешает провести конвой к архипелагу в ближайшие дни, то имперской эскадре скорее всего придется уйти, эвакуировав десанты. Ну а если американские авианосцы что-то задержат, то судьба Оаху и Перл-Харбора станет очень неопределенной.

– Задержит, уже задержало, – скромно, но одновременно торжественно объявил Панфилов.

– Вот как? – Сталин произнес только два слова, но выразил ими целую гамму чувств. И почему его не поставили в известность, и какого черта его диверсанты без спроса портят корабли союзника, нарываясь на международный скандал.

– Наши разведчики только наводили справки о ходе ремонта «Йорктауна» и случайно вышли на след фашистских шпионов, которые подкупом и шантажом задержали выход авианосца в море. Мешать им, – генерал невинно улыбнулся, разрядив обстановку, – естественно, не стали, чтобы самим не раскрыться, да и поздно было. Сначала диверсанты испортили на авианосце самый ценный агрегат – аппарат для получения газированной воды, без которого американские моряки воевать в тропиках не смогут. К сожалению, эту неисправность быстро устранили, но зато потом была нарушена работа двигателя корабля. Шифровку я получил только сегодня и доложить пока не успел.

Сталин одобряюще кивнул и повернулся к Молотову:

– Раз уж мы коснулись вопроса диверсий, то поясните, почему агенты враждебных государств столь успешно действуют на территории США?

Нарком поправил пенсне, потрогал усы, собираясь с мыслями, но я его опередила:

– Дело в том, что в последнее время между преступными кланами и ФБР возникли серьезные разногласия. Это началось после убийства актера, который оказался федеральным агентом. Полиция выяснила, что покушение было организовано очень тщательно, и что замешаны в ней местные преступные элементы сицилийского происхождения. Однако главари мафии, как местные, так и национального масштаба, упорно отрицали свою причастность к преступлению и отказывались выдать виновных. Вернее, они отдали федералам мелкую рыбешку, но, как выяснилось, эти пешки ничего не могли сказать о данном деле, то есть их просто подставили.

Панфилов, который понятия не имел, зачем понадобилось устранять актера, теперь решил, что догадался о сути операции. Он с благоговением смотрел на Сталина, считая

⁹ Лейтенант госбезопасности соответствовал капитану и носил «шпалу».

его гениальным стратегом, и разве что восхищенно не ахал: надо же все так просчитать на несколько ходов вперед!

– Конечно, в газетах объявили, что заказчик и киллеры найдены, – продолжала я, видя, что меня никто не останавливает. – Но Гувер прекрасно знал, что истинные виновники ушли безнаказанными, и он начал настоящую тайную войну с главарями преступного мира. Разумеется, глава ФБР продолжает придерживаться прежней позиции и отрицает сам факт существования оргпреступности. Но теперь он предпринял все меры для ее ликвидации. Конечно, результаты пока мизерные, но сотрудничество правительства с мафиози было полностью свернуто, а без него успешно бороться с фашистскими агентами власти не могут.

– Однако, – заметил Верховный, – несмотря на попытки саботажа со стороны германских шпионов, которые действуют столь бесцеремонно, американские поставки нашей стране теперь идут практически без задержек.

Ну, тут уже очередь наркома отчитываться по ленд-лизу:

– Парадокс сегодняшней ситуации, – сел на своего любимого конька Молотов, – объясняется просто. Случаи диверсий, устроенных фашистами, достаточно редки. А вот саботаж поставок, который имел место до вступления Америки в войну, носил постоянный и целенаправленный характер. Теперь президент Рузвельт больше не ведет по отношению к нам фальшивой линии, и все вопросы быстро разъяснились. Мало того, выделение нам сырья и материалов идет со значительным опережением графика, наверстывают упущенное. Можно сказать, что мы уже имеем надежную опору со стороны США. Добавлю, что в связи со значительным усилением японской угрозы, которую американцы пока не могут предотвратить, улучшились отношения с Великобританией и некоторыми другими странами. Например, о готовности оказать нам помощь заявил правитель Хайдаррабада низам Осман Али Хан. Его госбанк уже выделил сумму для покупки двух эсминцев, которые передадут нашей стране.

О пьесе больше не вспоминали, хотя все военные, и даже Шапошников, стали вдруг очень задумчивыми, видимо оценивая свою профпригодность в свете новых веяний. Мне вопросов больше не задавали, похоже, приняв за своего – то ли кадрового разведчика, то ли специалиста по тайным и темным операциям. Не знаю, может, в этом и заключается смысл моего присутствия здесь – чтобы все привыкли к тому, что я отираюсь возле руководства страны. А нет, оказывается, не только в этом. Когда отпустили не только большую часть народа, но и всех стенографистов, остались только мы – знатоки будущего, плюс неизменный начальник разведки. Панфилов обреченно вздохнул, поняв, что опять начнутся странные беседы, в которых он понимал только с пятого на десятое. Впрочем, когда слово предоставили ему, он оживился и, достав красную папочку с надписью «Особая папка», с выражением стал читать доклад. Меркулов, которому поручили стенографировать совещание, пока ничего не писал, видимо дожидаясь начала дебатов.

– *Наша* разведка, – с гордостью начал Панфилов, выделив слово «наша» и искоса взглянув на Берию, – внимательно отслеживает планы США в отношении металлического урана и девяносто четвертого элемента. Как удалось установить, интерес к ним со стороны американского правительства действительно резко возрос за последние недели. По нашим разведанным, девяносто четвертому элементу даже в срочном порядке придумали имя. Правда, не плутоний, как было бы логично ожидать, учитывая, что перед ним в таблице находятся уран и нептуний, а *ультимий*. – Ага, как же, по разведанным. Это в научном журнале опубликовали, и еще вчера наше посольство прислало об этом телеграмму. – С одной стороны, это повод для тревоги. Однако на данную тему пока продолжают публикации в открытой прессе, и это означает, что военные пока не видят особого прока в данных исследованиях.

Ну что же, примерно этого мы и ожидали, и пока все идет по плану. Однако внешне я свои мысли ничем не выдавала. Наоборот, округлила глаза, удивленно приоткрыла рот и кивала головой, одновременно поедая докладчика глазами. Остальные «знатоки» вели себя

аналогично, дабы ничем себя не выдать, и внимали Панфилову с максимально заинтересованным видом, задавая уточняющие вопросы об использовании ультимия в военном деле. Даже на Сталина во время его выступления никто с таким ажиотажем не смотрел.

Закончив с весьма довольным видом свое сообщение, Панфилов, которому мы притупили бдительность, сделал приглашающий жест Берии. Однако тот ответил ему тем же, и генерал, немного помявшись, пояснил, что следующий доклад приготовлен совместно с наркоматами индел и внудел, но он лично со всеми положениями полностью согласен. Затем Панфилов немного неуверенно заговорил об опасности, которую после войны станут представлять для нас США:

– Несомненно, к концу войны империалисты будут иметь в наличии армады стратегических бомбардировщиков, а еще лет через пять они заполучат большое число ультимиевых бомб. Первоочередной целью для ядерного оружия американские генералы выберут не только наши военные объекты, но и в первую очередь мирные города. Эту угрозу руководство отчетливо осознает, поэтому дает добро на устранение наиболее опасных для нашей страны личностей. Это совершенно необходимо, чтобы разрешить проблему опасности для СССР. Отдел специальных заданий Красной Армии, диверсионный отдел, а также соответствующие службы НКВД в состоянии выполнить подобную задачу. Однако, – тут начальник разведупра еще раз переглянулся с наркомом НКВД, – американцы ни в коем случае не должны узнать, кто стоит за этими операциями. Кроме того, после первого же покушения на любое высокопоставленное лицо, меры безопасности в США значительно усилят. Поэтому мы с товарищами из наркомата внудел предлагаем ограничиться только одной... э-э... ликвидацией. Вот кого именно выбрать, пока не решено. Именно это нам и нужно с вами обсудить.

Ах, так вот зачем нас собрали – найти самое сильное звено в цепи наших врагов.

Первым Сталин предложил высказать мнение самому Панфилову. Генерал, конечно, решил, что с него начали как с самого компетентного, и засиял как начищенная лампа. Достав из своей особой папки листок, он толкнул речь минут на десять, хотя весь смысл можно было выразить одним предложением: «Наиболее опасный среди американцев – это Гувер, который безжалостно преследует в Америке коммунистов, и тем самым не дает оппозиции поднять голову».

– Самый опасный враг для США, – уже в третий раз твердил Панфилов, – это внутренний. Сами американские коммунисты вполне способны вести борьбу, надо только дать им шанс выйти из подполья. Вот как вы полагаете, товарищи, Рузвельт может уволить Гувера?

Очнувшись от дремы, в которую он нас вогнал, мы, естественно, единодушно покачали головами, радуясь тому, как хорошо быть провидцем. Развернутый ответ за всех дал Берия:

– Нет, ни один президент не сможет отправить его в отставку, и Гувер будет занимать свой пост очень долго, скорее всего, до конца жизни. А учитывая, что директор Бюро ведет здоровый образ жизни, хм, в некотором смысле, то это еще лет тридцать.

Мне, как младшей по возрасту и по званию, дали слово следующей. За кого голосовать, у меня сомнений не было, и я туманно намекнула, что здоровье у Рузвельта не очень, а в его партии все большее влияние завоевывает Трумэн. А этот сенатор такой вредоносный тип, что, став президентом, сразу же начнет и холодную войну, и охоту на ведьм. И вообще, он наверняка разработает план по бомбардировке нашей страны ультимиевыми бомбами. Да и сейчас глава комитета вооружения уже является ключевой фигурой, от которой очень-очень многое зависит.

– Хорошо, товарищ *лейтенант госбезопасности*, – остановил меня Верховный, видя, что я вхожу в раж. – Ваша позиция мне понятна.

Меркулов сразу сделал себе пометку и с гордостью посмотрел на меня – вот какие орлы, вернее орлицы у него в ГБ работают – с места в карьер, от рядового сразу до старшего командира. Раз Верховный сказал «лейтенант госбезопасности», значит, так тому и быть. Меня,

однако, такая скорость продвижения по карьерной лестнице не очень радовала. Что же будет, когда отец приедет и увидит, в каком я звании? Рассказывать правду о своей работе мне нельзя, и он решит, что шпалы я зарабатываю, ставя клизмы членам Политбюро. Ох-ох, за что мне такое наказание! Впрочем, надо везде выискивать хорошие стороны. Чем выше звание, тем быстрее я смогу получать ответы на запросы от различных служб и наркоматов. А что мне только двадц... ну, в общем, немного лет, так эпоха у нас такая, что даже тридцатилетние наркомы никого не удивляют. А мне до наркома еще ой как далеко. Вот только жалко бедный отдел кадров, сколько им со мной возни...

Ну вот, пока я жалела себя, горемычную, Берия уже закончил расхваливать полковника Гровса – будущего отца атомной бомбы. Ага, рыбак рыбака... В принципе, нарком прав, без правильного руководства проект «Манхэттен» будет продвигаться медленно.

Меркулов, однако, своего начальника не поддержал и вполне аргументированно выдвинул на место злодея номер один Эйзенхауэра. Он-де и талантливый полководец, и после войны на волне своей славы наверняка станет президентом, причем республиканцем. Вот такой вот человек «два в одном» нам как раз и нужен. В смысле, наоборот, совершенно не нужен.

Шапошников на эту тираду рассудительно возразил, что полный разгром США на германском фронте для нас совсем нежелателен, так как повлечет усиление немцев на фронте восточном. И к тому же, будучи типичным солдафоном, Эйзенхауэр не станет интересоваться мирной космической программой. Да и с маккартизмом именно он покончит, так что все эти деления на республиканцев и демократов весьма условны и давно устарели. Вот что очень опасно, так это скорое создание Донованом объединенной разведслужбы. Этот полковник – старый лис, который помимо прочего успел поучаствовать в нашей гражданской войне, будучи советником беляков. Он уже давно на нашу страну зуб точит. Да и Даллес с ним одного поля ягодка, со своими-то планами, которых вроде и нет, но они действуют. И что хорошо для нас, Маршалл пока фигура незаметная, и несчастный случай с ним особого внимания не привлечет.

Едва маршал сел, как тут же последовала резкая отповедь от Берии:

– Что до лунной программы, то пусть уж лучше американцы занимаются ею, чем гонкой вооружения и внешней экспансией.

Наконец высказался и Молотов, до этого лишь насмешливо выслушивающий наш детский лепет. Как истинный политик, он рассматривал ситуацию в целом и смотрел на нее с другой точки зрения:

– Если уж устранять американских главнокомандующих, – заявил нарком, – то тех, кто внесет больше вклада на Тихом океане. Вот эти кандидатуры и стоит обсудить.

Как и следовало ожидать, предложение было встречено в штыки. Действительно, ну что успеют США сделать с японцами до конца войны, который уже не за горами. Пока что они только отступают, и в лучшем случае лишь через год начнут развлекаться своими «лягушачьими прыжками» от острова к острову. Когда мы войдем в Берлин, янки хорошо если до Филиппин доберутся, а в Европе приготовятся высаживаться на Сицилии.

Поиск сильного звена, устранением которого можно снизить угрозу для нашей страны, оказался не таким уж простым делом. Мнений оказалось ровно столько, сколько присутствующих. Единственный, кто молчал, это сам Верховный. Ну, хоть бы намекнул, кто ему не нравится, чтобы сузить круг обсуждаемых персон. И не нужно думать, что никто не осмелится возразить Самому, ведь Молотов не стесняется с ним открыто спорить, да и Берия тоже. Но Сталин молчал как партизан. Понятно, ждет, что мы сформулируем идеальное решение, и тогда выскажет свои соображения, совпадающие с мнением большинства. Вот так и зарабатывают славу великого руководителя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.